

Бесѣды.—Текущая жизнь.—На помощь
семѣ и школѣ.—Обо всемъ.

Февраль.

1910 г.

I.

БЕСѢДА.

I.

Жгучій вопросъ.

Вопросъ объ отечествѣ, о патриотизмѣ — всегда вопросъ жгучій, близкій, но онъ особенно выдвигается впередъ въ извѣстные дни, въ извѣстныя полосы народной и государственной жизни. Война рождаетъ героевъ. Опасность соединяетъ воедино людей разныхъ партій и мнѣній. Можно разсуждать и „философствовать“ въ спокойное время, но навалившаяся гроза уже требуетъ дѣла, а не споровъ. Вы можете кое-что подчеркивать матери, поднимать вопросъ о томъ, насколько она виновата—если это находите. Но если ваша мать больна, если ей угрожаетъ опасность—будете ли вы (правильнѣе: *возможно ли*) пререкаться у постели больной, поднимать эгоистичный споръ въ виду неминуемой опасности? Естественно, что вы забудете всѣ свои обиды, всѣ ея ошибки и, собравъ всю энергію, всѣ свои знания,

средства, немедленно примете мѣры для спасенія близкой больной. Любовь все побѣдитъ и все проститъ.

Эта же любовь къ родинѣ заставляетъ забывать всякіе отвлеченные споры въ минуты опасности, угрожающей родинѣ, кидаться на ея защиту, оставивъ въ сторонѣ свои личные мелкіе счеты и интересы.

Некрасовъ сказалъ:

Въ насмѣшливомъ и дерзкомъ нашемъ вѣкѣ
 Великое, святое слово *мать*
 Не пробуждаетъ чувства въ человѣкѣ...

Дерзкій вѣкъ не оставилъ въ покоѣ и другое святое слово—*отечество*. Этотъ дерзкій вѣкъ изрекаетъ устами нѣкоторыхъ: „отечество — суевѣріе“, „суевѣріе ненавистное“, ибо оно „оскотиниваетъ людей“: „всякая низость, жестокость, всякія нечистыя дѣла прикрываются этимъ словомъ, какъ девизомъ“, а посему пора „покончить съ этой мерзкой комедіей“.

„Покончить!“

Легко это сказать, но сдѣлать нелегко. Даже очень трудно. Болѣе — невозможно. Вѣрнѣе — не нужно. Чувство любви къ родинѣ вложено въ сердце человѣка. Это — потребность души. Это — одна изъ ея святынь. Съ этимъ чувствомъ онъ рождается и умираетъ. Отечество дороже жизни. Да, „за свое я, за независимость народнаго духа, за державную власть въ чертѣхъ страны — хочется жертвовать жизнью“. Это вовсе не стремленіе захватить чужое, подавить другихъ, а лишь желаніе сохранить свое, свою независимость, свои „святыни“...

Родная рѣчь... моихъ отцовъ языкъ...
 На немъ любилъ я слушать въ дѣтствѣ сказки,
 На немъ молиться я привыкъ,
 На немъ мнѣ мать шептала ласки.
 Врагъ, побѣдивъ, на эту рѣчь узду
 Наложить вдругъ безжалостной рукою...
 Я защищать мой край пойду!

Если бы человѣкъ жилъ только рублемъ, только желудкомъ, какъ животное, онъ былъ бы чуждъ высшимъ запросамъ, онъ не имѣлъ бы своихъ святынь, ничѣмъ не дорожилъ бы кромѣ хлѣба. У гр. Толстого, въ „Новой Азбукѣ“,

есть такой характерный разговор. Мужикъ пугаетъ свою лошадь тѣмъ, что ее возмутъ въ плѣнъ непріатели.

Лошадь спрашиваетъ:

— А что они со мной будутъ дѣлать?

— Заставятъ тебя возить,—отвѣчаетъ мужикъ.

— А у тебя я развѣ не вожу?—говоритъ лошадь.—Стало быть, мнѣ все равно, на тебя или на непріателя работать.

Для лошади все равно, у кого ни жить: у француза, нѣмца или русскаго. Лишь бы давали вдоволь овса, сѣна, воды и была бы конюшня. Но человѣку не все равно. У него есть свое дорогое, святое, чѣмъ онъ живетъ и ради чего онъ жертвуетъ не только хлѣбомъ, но покоемъ, своей семьей и даже своей жизнью. Ему дорого прошлое родины, дорога земля, освященная кровью предковъ,—тѣ храмы, гдѣ молились десятки поколѣній, та культура, которая создавалась вѣками, тотъ своеобразный укладъ жизни, который присущъ народу. У cadaго народа есть свой *ликъ*, какъ онъ есть у всякаго самостоятельно мыслящаго человѣка. Этотъ „ликъ“ дорогъ народу, и онъ не позволитъ чужеземцу топтать его или перелицовывать по-своему. *Свое* всегда ближе и дороже.

Сочувствовать могу я и чужому горю,
Но горе родины мнѣ все-таки больнѣй!

Пусть всѣмъ хорошо живется, нѣтъ желанія зла кому-либо, но—

Иду ли пыльною проселочной дорогой,
Вхожу ли въ темный лѣсъ, чтобъ тамъ укрыться въ тѣнь,—
Встрѣчаю ль на пути, въ сторонкѣ храмъ убогій—
Отраду чистую безмолвныхъ деревень,—
Гляжу ли на поля, желтѣющія рожью,
На безконечный лугъ, одѣвшійся въ цвѣты,—
На нихъ, молясь въ тиши, зову я благость Божью,
О нихъ въ моей душѣ тоскливыя мечты.

А чужіе, далекіе? Ихъ горе?

Печаль, вездѣ печаль, и я о нихъ скорблю,
Но о родной землѣ я *иначе* страдаю,
Ее я иначе люблю.

Вождь еврейскаго народа такъ обращался къ Богу въ Вавилонѣ: „Для насъ, Господи, создалъ Ты вѣкъ сей. О прочихъ же народахъ, происшедшихъ отъ Адама, Ты ска-

заль, что они ничто, но подобны слюнкѣ, и все множество ихъ Ты уподобилъ каплямъ, каплющимъ изъ сосуда“.

Вотъ еврейская обособленность. И справедливо одинъ писатель замѣчаетъ по поводу этого: „Какимъ ужасающимъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ словъ, какая страшная отчужденность отъ всѣхъ людей слышится здѣсь; кромѣ своего народа всѣ пренебрежены и забыты“.

Христіанскій народъ такъ не думаетъ и не молится. Его патріотизмъ, любовь къ отечеству не покоится на презрѣніи къ другимъ. Но онъ и не можетъ принять того космополитизма, который есть собственно безродность, *безотечественность*.

„Всякія нечистыя дѣла прикрываются словомъ *отечество, націонализмъ*“. Неправда! Это будетъ уже лженаціонализмъ, если онъ проповѣдуетъ ненависть къ другимъ и обособленность. Только невѣжество и тьма можетъ такъ смѣшивать понятія, но нельзя основываться на словахъ темнаго обскурантизма или злобной лжи.

Признаетъ ли Церковь любовь къ отечеству? Да, признаетъ. Церковь считаетъ любовь къ отечеству гражданской добродѣтелью. Но этимъ признаніемъ Церковь не освящаетъ *пристрастнаго* и *всеправдывающаго* націонализма, равно какъ не одобряетъ, а порицаетъ вредный *космополитизмъ, безродность*. Религія учитъ смотрѣть на родину, по словамъ покойнаго арх. Амвросія, какъ на Богомъ отмежеванную извѣстному народу часть земли Божьей для посильнаго и *своеобразнаго* (признаніе народной самобытности) прославленія въ ней имени Господа. „Отечество, — говоритъ арх. Амвросій,—это родина духа, гдѣ мы получаемъ первыя впечатлѣнія своей религіи, познаемъ себя частью своего народа, гдѣ мы ощутили Бога и познали счастье духовнаго союза съ Нимъ въ таинствахъ своей вѣры“.

Какъ же долженъ относиться патріотъ къ своей родинѣ, видя ея несовершенства, недостатки? Защищая все доброе, уважая народныя вѣрованія и требованія народнаго духа, патріотъ, т. е. вѣрный, любящій сынъ родины, борется съ неправдою, негодуетъ во имя высшей правды, вѣчной истины, но онъ не „бурлитъ понапрасну бесплоднымъ негодованіемъ“, смиренно принимаетъ на себя часть общей вины, существующихъ недуговъ. Онъ помнитъ, „что владѣетъ Всевышній

царствомъ человѣческимъ“, и прежде всего молится за свое отечество, въ твердомъ упованіи, что только Богъ вразумляетъ заблуждающихся и поставляетъ народы и правителей.

Если бы эти слова были поняты какъ слѣдуетъ всѣми, то не было бы и тѣхъ людей, которые въ своемъ безуміи, ложно понимая свободу, отрекаются отъ родины.

II.

Всѣ ли одинаково близки.

Одинъ мой пріятель писалъ мнѣ: „Я не понимаю того узкаго патріотизма, который любить только свое родное. По-моему надо всѣ народы, всѣ націи любить одинаково. Всѣ люди одинаково для меня дороги и близки. Горе вездѣ горе, и я не могу желать горя французу или, вѣрнѣе, Франціи, а радости только Россіи. Я хочу, чтобы и у Франціи не было горя“.

Мой пріятель не хочетъ горя Франціи, онъ хочетъ, чтобъ и ей было хорошо такъ же, какъ и Россіи. Но и я не желаю Франціи страданій и очень желаю, чтобъ и ей было хорошо. И все-таки я не могу любить Францію такъ же, какъ Россію. Я сочувствую горю всякаго народа, и, когда Англія угнетала буровъ, я скорбѣлъ о нихъ, но, конечно, не такъ бы скорбѣлъ объ угнетеніи Россіи. Это не значить, что я одинъ народъ считаю выше другого, нахожу его болѣе лучшимъ и достойнымъ... Совсѣмъ нѣтъ. Я не чувствую ненависти къ какой-нибудь народности, и несправедливое отношеніе всегда будетъ въ моихъ глазахъ таковымъ, на кого бы оно ни направлялось. Но это все-таки не значить, что я люблю одинаково французовъ и русскихъ.

Именно: я за родину иначе страдаю, ее я иначе люблю. Если нужно ее защищать, я поднимусь на ея защиту, я пойду въ бой съ ея врагомъ, но вовсе не съ радостью, и мнѣ будетъ жаль тѣхъ, которые останутся сиротами тамъ, на чужбинѣ. И все-таки, защищая родину, я невольно пролью кровь враговъ ея, не питая къ нимъ узкой, мелкой ненависти, того кровожаднаго чувства, которое обращаетъ человѣка въ звѣря. Я пойду на защиту родины отъ

того, кто покушается на ея счастье. Вотъ какъ я понимаю любовь къ родинѣ, патріотизмъ, націонализмъ. Такъ понимаетъ все это и Рузвельтъ, этотъ замѣчательный государственный человѣкъ и горячій патріотъ. Въ своей книгѣ онъ говоритъ между прочимъ: „находятся люди, утверждающіе, что патріотизмъ есть понятіе эгоистичное, и старающіеся всѣми силами замѣнить его *космополитизмомъ*, то-есть любовью ко всему человѣчеству. Эти господа забываютъ, что человѣкъ, любящій другія страны такъ же, какъ и свою, столь же вредный членъ общества, какъ и тотъ, кто любитъ всѣхъ женщинъ столько же, такой же любовью, какъ и свою избранницу“... Совершенно вѣрно, какъ и то, что изъ этого не слѣдуетъ дѣлать такой выводъ: любя свою родину, надо ненавидѣть другіе народы. Но любовь къ другимъ не должна мѣшать любить свою родину больше, сильнѣе, чѣмъ всѣ остальные страны, взятыя вмѣстѣ. Отъ мысли о патріотизмѣ прямой переходъ къ вопросу о войнѣ. Война, конечно, зло, съ этимъ соглашается и Рузвельтъ, но, прибавляетъ онъ: „лѣньность, безпечность народа, его отвращеніе къ борьбѣ—вотъ наихудшія и наиопаснѣйшія изъ золъ. Народъ долженъ воспитываться, закаляя себя въ патріотизмѣ, и нація самая полезная для человѣчества та, которая наиболѣе пропитана духомъ націонализма“. Это тоже совершенно вѣрно. Американскій патріотъ, конечно, за миръ, но, признавая условія жизни политической, онъ не можетъ отрицать войну при защитѣ страны. Онъ говоритъ, касаясь Россіи: „если бы Россія поступала согласно ученію „непротивленія“, то весь ея народъ давно уже исчезъ бы съ лица земли, и страна занята была бы варварскими азіатскими ордами“. Воспитаніе народа въ духѣ, могущемъ привести къ такому концу, по мнѣнію Рузвельта, надо назвать прямо безнравственнымъ. Я думаю, что все, высказанное представителемъ американскаго народа, читатели найдутъ вполне справедливымъ. Это не ученіе о ненависти къ людямъ, не голосъ кровожаднаго хищника, не слова завоевателя во вкусѣ Наполеона Перваго, это не порабощеніе народовъ, нѣтъ—это выраженіе настоящаго истиннаго патріотизма, того патріотизма, который признаетъ и у своего народа пороки, не отрицаетъ грѣховъ у матери родины.

Сынъ любить мать свою; но ласки расточая,
Онъ иногда ее во гнѣвѣ и корить...

Но это чувство справедливости не помѣшаетъ ему остановить укоры къ матери со стороны чужого.

Точно такъ же всякій любящій свою родину хорошо видитъ грѣхи ея, но когда на нее осмѣлится напасть съ укоромъ чужеземецъ, въ этомъ человѣкѣ проснется сынъ.

Это вѣрно; слѣдовательно, вѣрно и то, что нельзя всѣхъ любить одинаково и что за родину иначе страдаешь и ее иначе любишь.

Подъ этими взглядами, думаю, подпишется всякій русскій, знающій хорошо свой народъ. Но вѣдь между народными друзьями есть и заблуждающіеся, которые въ увлеченіи забываютъ, что слова еще не жизнь, какъ ни были бы красивы, и что если имъ все старое кажется ничтожнымъ и прошлое недостойно вниманія, то тѣ, кого они хотятъ спасти, смотрятъ иначе и, конечно, ближе къ правдѣ, чѣмъ они. А люди разныхъ полюсовъ и разной вѣры никогда не поймутъ другъ друга. Но чтобы служить народу, надо понять его душу, его взгляды. Эти взгляды на любовь къ родинѣ, несомнѣнно, таковы, каковы и у американскаго патріота, а не таковы, какъ у беспочвенныхъ космополитовъ.

III.

Любовь къ народу.

„Любовь къ народу“. „Надо любить народъ“. Этими красивыми фразами играютъ какъ мячиками. О, если бы на самомъ дѣлѣ было столько истинной любви къ народу! Какъ бы тогда хорошо жилось, сколько грустныхъ фактовъ не было бы въ лѣтописи нашего обихода, сколько бы сохранилось добрыхъ силъ и какъ бы измѣнилась вся картина нашей общественной жизни! Но этого нѣтъ, потому что не всякій, говорящій о любви къ народу, дѣйствительно его любить. Нельзя любить народъ, не понимая его. Можно и вредить при любви. „Я желаю добра“. А добро ли то, что желаешь? „Не все то, что я хочу, и другому по плечу“. Это надо помнить. *Не чужой ли тебѣ народъ? Не чужой ли*

ты ему? Не примѣнимы ли къ тебѣ эти слова: „Вы — разныхъ полюсовъ, вы — люди разной вѣры“.

Достоевскій любилъ народъ, онъ выстрадалъ эту любовь, онъ и зналъ народъ, который ему не былъ чуждымъ. А вотъ что говоритъ Достоевскій: „Полюбить, т. е. пожалѣть народъ за его нужду, бѣдность, страданія можетъ и всякій баринъ. Но этого мало. Народу надо, чтобы его не за одни его страданія любили, а чтобы полюбили и *его самого*. „Что же значить: полюбить его самого?“ А полюби ты то, что я люблю, почти то, что я чту, — вотъ что это значить, и вотъ какъ вамъ отвѣтитъ народъ, а иначе онъ никогда васъ за своего не признаетъ, сколько бы вы о немъ ни печалились. Фальшь тоже всегда разгадаетъ, какими бы жалкими словами вы его ни соблазняли. Онъ скажетъ вамъ: „не люби ты меня, а полюби мое“ (Достоевскій, т. XI).

Это вѣрно. Да, жалѣть можетъ и чужой, если онъ добрый, справедливый. Когда обижаютъ иноземца, иновѣрца, можно ли и намъ оставаться равнодушными? Но ихъ думы — не наши думы, и часто ихъ любовь не тамъ, гдѣ и наша.

Счастье ихъ — чужое счастье,
Не одна печаль у насъ,

потому что ни желаньями, ни думами — мы съ чужими не можемъ слиться. Зачастую наши стремленія прямо противоположны. И имъ

Наше русское ненастье —
Непонятный лишь разговоръ.

Но *все это* не уничтожаетъ жалости, ибо какъ можно не жалѣть страдающаго? Но эта жалость — еще не та любовь, которая дѣлаетъ васъ *роднымъ* народу, *своимъ* ему. Почтите то, что для него святыня, живите тѣмъ, чѣмъ онъ живетъ, любите то, что онъ любитъ, — вотъ когда вы будете *свой* для народа.

Не подчуй тѣмъ, чего не ѣмъ!

Грубо — но мѣтко сказано. Нельзя итти съ любовью къ мужику и посягать на святыню его души, унижать то, чему онъ поклоняется. Это не значить — надо лгать и маскироваться. Фальшь онъ пойметъ, если и не сразу — все же пойметъ. Пойметъ и злобно сорветъ маску. Ему любъ не *чужакъ*, на-

ряженный *своимъ*, а русскій человекъ, любящій народъ и потому не чувствующій съ нимъ розни:

Однимъ желаніемъ съ народомъ я горю,
Съ нимъ вмѣстѣ плачу я, молюсь его святинѣ,
И все что любить онъ — и я боготворю!

Возьмемъ саровскія торжества, еще столь къ намъ близкія и столь знаменательныя, что о нихъ невольно хочется говорить; да лучшаго примѣра и не подыщешь. Народный взглядъ, народное отношеніе къ празднику — для многихъ интеллигентныхъ людей были непонятны, чужды. Они удивлялись этому подъему народнаго духа и не понимали его. Итти за сотни верстъ, отрывать отъ работы, столько переносить, терпѣть... зачѣмъ?

Характерныя слова для человека, совсѣмъ не понимающаго народа, совсѣмъ отъ него отколовшагося и ему чужого. Можетъ быть, онъ и добрый человекъ и *любитъ* народъ — такъ по крайней мѣрѣ думаетъ онъ самъ — но именно вотъ гдѣ „вы — разныхъ полюсовъ, вы — разной вѣры“. Тутъ такая пропасть, черезъ которую не перекинуть никакой дощечки. Изъ сердца одного вытравлено *то, чѣмъ* живетъ народное сердце... Этотъ человекъ уже не понимаетъ того наслажденія души, отъ котораго другой приходитъ въ восторгъ, въ экстазъ. У людей разной вѣры — и разные кумиры, у людей разныхъ полюсовъ — и разные *праздники*. Кто отстоитъ такъ далеко отъ народа, тому съ нимъ не столковаться, и тутъ нѣтъ мѣста любви, а лишь — возможна жалость, похожая на сострадательное пренебреженіе. Народъ не приметъ такого состраданія, такой унижительной жалости, тѣмъ болѣе, что онъ ея не заслуживаетъ: жалкимъ и ничтожнымъ по своей узкости, по своей оторванности отъ народа является этотъ одинъ изъ многихъ, не понимающихъ того наслажденія, которымъ красна народная жизнь, жива народная душа. Не ручью, отбѣжавшему отъ рѣки, гордо и плавно несущей свои большія свѣтлыя воды, такъ относиться къ рѣкѣ... Вѣдь онъ ею питается и безъ нея засохнетъ.

Можно жалѣть и не любить того, кого жалѣешь, — не любить какъ своего. Но нельзя любить и не жалѣть. Но это не та жалость, въ которой такъ много пренебреженія и сознанія своего превосходства (такъ жалѣть можно даже

собаку), а „жаль“ — равная любви, сама любовь — жаль, какъ говорить народъ, та любовь, которою любятъ только *своего кровнаго*. Тутъ нельзя приладиться къ народу, а надо быть нервомъ этого народа, „стать народомъ“ — какъ прекраснототъ же Достоевскій выразился о Пушкинѣ. „Пушкинъ, — говоритъ Достоевскій, — преклонился предъ народною правдою, онъ призналъ ее за свою правду. Несмотря на всѣ пороки народа и многія смердящія его *привычки*, Пушкинъ сумѣлъ различить великую суть его духа и принялъ эту суть народную въ свою душу, какъ свой идеаль. Пушкинъ первый объявилъ, что русскій человекъ *не рабъ* и никогда имъ не былъ, несмотря на многовѣковое рабство“.

Да, несмотря на *годы рабства*, т. е. крѣпостного права народъ сохранилъ свою душу и сердце *отъ рабства!* Это превосходно выразилъ Некрасовъ, любившій народъ, также преклонившійся предъ народною правдою:

Въ рабствѣ спасенное —
Сердце свободное
Золото, золото,
Сердце народное.

Холопъ и не рабъ. Крѣпостной и свободный духомъ, который ярко сказался въ историческіе моменты жизни страны. Не рабъ шелъ умирать за родину, царя и вѣру — въ смутное время. Не рабъ клалъ „свой животъ“ въ битвахъ 12-го года и умиралъ на севастопольскихъ бастіонахъ. Онъ *такъ* защищалъ родину, какъ рабъ не защищаетъ, и *такъ* умиралъ, какъ рабы не умираютъ, а умираютъ только люди великаго, свободного духа, люди долга, руководимые совѣстью, а не рабскимъ страхомъ... Возьмите рассказъ Лермонтова о купцѣ Калашниковѣ. Вѣдь этотъ Калашниковъ — изъ народа. Тогда между бояриномъ и крестьяниномъ еще не было пропасти по духу. Такъ вотъ этотъ Калашниковъ: его спрашиваетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ: „Какъ онъ убилъ слугу царя — опричника Кирибѣвича: вольной волею или ненарочно?“ Калашникову ничего не стоило солгать для своего спасенія, но онъ этого не сдѣлалъ и былъ казненъ... *Рабъ* такъ ли бы поступилъ? И поступилъ ли бы такъ *свободно* иной изъ тѣхъ теперешнихъ якобы свободныхъ людей, глядящихъ съ презрѣніемъ на старыхъ *холоповъ*?.. А *рабъ*

Шибановъ, посланный Курбскимъ и безстрашно явившійся къ царю Ивану Грозному? Грозный правъ, писавши Курбскому: „устыдись раба твоего Шибанова“. Да, онъ былъ великаго, свободнаго духа, — и это понялъ и оцѣнилъ Грозный. Не всякій холопъ — рабъ, и нерѣдко свободный гражданинъ въ сущности самый настоящій рабъ со всѣми его „смердящими привычками“ — говоря образнымъ языкомъ великаго писателя. О русскомъ человѣкѣ — какъ о рабѣ — можетъ говорить только тотъ, кто обо всемъ судить лишь по внѣшнему, такъ-сказать „по переплету“, не понимая „сути народнаго духа“.

Кто любитъ народъ, тотъ понимаетъ его духъ, или вѣрнѣе только тотъ любитъ народъ, кому дорого все, что дорого народу, даже убогость природы ближе чужой красоты. Почему? Потому что только на родинѣ, уставъ отъ битвы

И войдя въ убогій храмъ,
За одно съ толпой молитвы
Возношу я къ небесамъ.
Объ одномъ всѣ молимъ Бога
И одна у всѣхъ печаль.

Какъ ни хорошо въ смыслѣ удобствъ на чужбинѣ, но

Все жъ невольно къ бѣднымъ хатамъ
Рвется русская душа.

Рвется туда,

Гдѣ все хмуро и убого,
Но родное и *свое*.

Но только *русская душа*, п. ч. только ей все это — *родное и свое*. И въ комъ жива эта русская душа, тотъ всегда останется вѣрнымъ народу, несмотря на разныя вѣянія. Преклоненіе передъ народною правдою, — вѣрно говоритъ Достоевскій, является, напр., у Некрасова потребностью души, неуправимой силой, которая сломила вліяніе друзей, хотя и любившихъ народъ, но не признававшихъ въ народѣ правды и не понимавшихъ истины народнаго духа. „У Некрасова, — говоритъ Достоевскій, — истинная, страстная, непосредственная (это главное) любовь къ народу. Онъ видѣлъ въ народѣ не только раба, но силою любви своей безсознательно почти смогъ постичь народную красоту и его умъ, и

его страдальческую кротость“. И онъ былъ *не чужой* народу. Его любовь — для чужого человѣка невозможна. Чужой человѣкъ и при сочувствіи ко многому отнесется снисходительно, а пожалуй и пренебрежительно, и его нервы не отзовутся на многое, на что зазвучать отзывно нервы народнаго организма. Его сердце останется холодно въ тѣ минуты, когда *русское сердце, народное сердце* закипитъ гнѣвомъ, будетъ разрываться отъ муки или возликуетъ отъ радости... Понятно: причины-то для всего этого неодинаковы... Чужой человѣкъ прежде всего увидитъ „смердящія привычки“ народа и уже затѣмъ не разглядитъ красоты народной, его правды. Ему всегда будетъ мѣшать та *брезгливость*, которой нѣтъ у *своего*. Чужой, которому не близка народная святыня, не близокъ его идеаль, можетъ только жалѣть, сочувствовать, какъ высшій низшему, а не любить народъ. И онъ не пойдетъ съ народомъ въ его храмъ заодно съ нимъ молиться, не будетъ его любовью любить родину, не пойметъ его горя и его радости. Онъ захочетъ вести народъ не туда, гдѣ стоитъ „божество“ народа, его „святая святыхъ“, — куда рвется сердце народа. Онъ назоветъ въ народѣ рабствомъ то, что вовсе не рабство, а высокая красота смиренія, котораго полна народная душа въ своихъ стремленіяхъ (не смотря на смердящія привычки). Этой красоты не постичь чужаку, потому что онъ до нея не доросъ, не поднялся въ поискахъ за призракомъ ложной свободы!

А. Кругловъ.

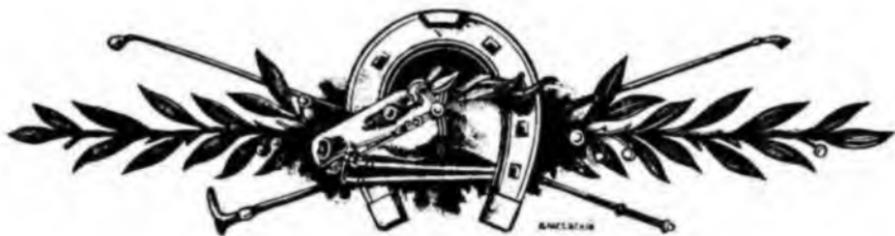

Татьяна.

(„Евгеній Онѣгинъ“, гл. 3-я, строфа 37.)

М. Микѣшина.

ЛЕЙБЪ-КУЧЕРЪ ИЛЮ.

(Былъ).

утный свѣтъ осенняго петербургскаго дня, проникавшій сквозь тускляя стекла большихъ оконъ Зимняго дворца, слабо освѣщаль просторную комнату главной гауптвахты, гдѣ сидѣло трое гвардейскихъ офицеровъ Московскаго полка, ведшихъ оживленную бесѣду.

— Скучища какая! — зѣвнуть старшій изъ нихъ

Лореръ. — Дежурство только началось, а хоть тресни — не знаю, чѣмъ развлечься... Эхъ, житье-бытье наше!

— Да, не сладкое, — замѣтилъ другой офицеръ, — караулъ веселья не придаетъ.

— А думы черныя нагоняеть, — засмѣялся третій гвардеецъ, потягиваясь.

Дверь скрипнула. На порогѣ показался солдатъ.

— Ваше благородіе, васъ придворный лакей спрашиваетъ...

Офицеры переглянулись. Лореръ, поправивъ оружіе, вышелъ, но вскорѣ вернулся съ запиской въ рукахъ.

— Что такое? Что случилось? — обступили его товарищи.

Лореръ пожалъ плечами.

— Право, не пойму. Прислали кучера Илью къ намъ на гауптвахту...

— Какого Илью?

— Какъ какого? Царскаго кучера!..

— Да! Вотъ знаменитость...

— Еще бы! Почитай, болѣе двадцати лѣтъ имѣеть счастье возить Государя не только по всей Россіи, но и по Европѣ...

— Ну, вотъ! А ямщики?

— Вотъ и видно, что молода, въ Саксоніи не была!... Да вѣдь обыкновенно почтовый ящикъ не садится на козлы, а лишь запрягается лошадей; править же ночь и день лейбъ-кучеръ Илья... Наконецъ, господа, кому изъ насъ незнакома его характерная фигура на козлахъ Царской коляски или саней...

— Что касается меня, — замѣтилъ Лореръ, — то Илью я знаю лично.

— Такъ чего же ты медлишь; зови его сюда! — воскликнули обрадованные офицеры, — интересный будетъ собесѣдникъ этотъ Байковъ *).

— А по чьему приказу онъ арестованъ?

— Вотъ записка коменданта Башуцкаго, который пишетъ, чтобы лейбъ-кучера Илью содержать по волѣ Его Величества подъ арестомъ впредь до приказанія, — сказалъ Лореръ, еще разъ пробѣгая глазами поданную ему бумажку.

— Чудно!

Спустя нѣсколько минутъ Илья Байковъ уже сидѣлъ вмѣстѣ съ офицерами въ дежурной комнатѣ. Это былъ представительный, пожилой мужчина, облеченный въ кучерскую одежду.

Лореръ приказалъ придворному лакею подать завтракъ, къ которому пригласилъ и Байкова.

— Покорно благодарю, — сказалъ тотъ, — для нашего брага есть и особенныя каморки.

— Нѣтъ, почтеннѣйшій, — промолвилъ улыбаясь Лореръ, — вы останетесь съ нами, и мы какъ-нибудь скоротаемъ докучное время... Вотъ откушайте нашего хлѣба-соли и не побрезгуйте чарочкой зелена-вина...

Съ этими словами Лореръ налилъ ему рюмку водки и двѣ рюмки вина.

Байковъ не заставилъ себя дважды приглашать и принялся съ большимъ аппетитомъ за ѣду.

Лореръ, видя, что ему жарко, любезно предложилъ снять кучерскую одежду, что тотъ охотно и исполнилъ, оставшись въ черномъ бархатномъ жилетѣ и бархатныхъ шароварахъ, заправленныхъ въ высокіе сапоги.

— Скажите, почтеннѣйшій, за что васъ постигла такая неожиданная кара? — спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

Илья усмѣхнулся.

— Да только за одно слово...

— Какое, скажите, пожалуйста...

— За слово Государю: *знаю!* Какъ вамъ должно быть вѣдомо, Его Величество никогда не говоритъ, куда онъ именно изволить ѣхать. Поэтому

*) Илья Ивановичъ Байковъ состоялъ кучеромъ при Императорѣ Александрѣ I за время его царствованія и сопровождалъ прахъ Царя изъ Таганрога до С.-Петербурга.

мнѣ всегда приходится поворачиваться къ нему, а онъ кивнетъ мнѣ то направо, то налѣво, то прямо. Сегодня жъ грѣхъ меня попуталъ, и скажи я ему: знаю, Ваше Величество! Государь изволилъ разгнѣваться и говорить мнѣ съ сердцемъ: кучеръ ничего не долженъ знать, кромѣ лошадей!.. Вернулись мы послѣ того благополучно во дворецъ. Подвезъ я Государя, какъ всегда, къ малому крыльцу, откуда онъ обыкновенно выѣзжаетъ, возвращаюсь къ себѣ, а тутъ вышелъ приказъ...

Тутъ подали обѣдъ, и всѣ присутствующіе быстро принялись за него. Бесѣда стала оживленнѣе.

— Да, — продолжалъ Байковъ, — двадцать лѣтъ вожу Государя, но силы уже стали измѣнять: прежде было не то! Много силъ и здоровья отняла у меня поѣздка въ Швецію съ Его Величествомъ въ 1812 году на свиданіе съ шведскимъ королемъ... Все время мнѣ не приходилось слѣзать почти съ козелъ, ни днемъ ни ночью, а тутъ еще вся дорога, между скалъ да обрывовъ, нелегка была, что и говорить...

— Правда ли, Илья Ивановичъ, что, какъ говорятъ, вы содѣйствовали не разъ добрымъ дѣламъ, помогли тѣмъ, кому трудно было приблизиться къ Государю? — спросилъ его Лореръ.

— Былое дѣло! — оживился тотъ. — Многое случалось дѣлать по милости Бога да добротѣ Царя-батюшки...

— Это очень интересно! — воскликнули офицеры. — Разкажите намъ что-нибудь...

— Извольте, — улыбнулся Байковъ. — Вотъ, на примѣръ, какъ довелось мнѣ однажды помочь одной генеральшѣ... Въ 1805 году, когда была война, за недѣлю до открытія компаніи одинъ изъ нашихъ генераловъ, нѣкто Лошаковъ, женился на очень пригожей полькѣ. Красавица была писаная! Послѣ Аустерлицкаго сраженія, гдѣ насъ разбили изрядно (Государь нашъ тогда хворалъ, лежа въ крестьянской избушкѣ въ нѣмецкой деревнѣ на соломѣ), Лошаковъ покинулъ армию и безъ спроса уѣхалъ къ женѣ, которая жила въ приграничномъ городѣ... Конечно, генераль Кутузовъ, который командовалъ арміей, за это не помиловалъ и отдалъ подъ судъ, но Государь повелѣлъ тогда Лошакова посадить въ Кіевскую крѣпость въ казематъ. Война окончилась, все успокоилось, и генеральша пріѣхала въ Питеръ хлопотать за своего мужа. Ходила она по всѣмъ министрамъ и сановникамъ, да и Аракчееву *) не мало наклонялась, бѣдная... Да ничего не помогло. Всюду отказъ. Дошло до того, что ровно отъ чумной стали сторониться. Буда ни взойдетъ, отвѣтъ одинъ: не велѣно принимать!

*) Графъ Аракчеевъ, приближенный Имп. Павла I, былъ военнымъ министромъ при Имп. Александрѣ I и пользовался громаднымъ вліяніемъ.

Скиталась она, бѣдная, по улицамъ, хоть въ Цеву бросайся, помо неоткуда; а тутъ еще полиція во все глаза слѣдить... Повстрѣчалась ей однажды какая-то добрая старушка, которая видѣла ее не разъ, какъ уходила она ни съ чѣмъ отъ сановныхъ лицъ, и, жалѣя, видно, ея молодость да красоту, сказала ей:

— Не ищи ты, матушка, у нихъ заступничества; все это наурасно; а сходи-ка лучше къ лейбъ-кучеру Ильѣ Ивановичу; расскажи ему свое горе, онъ добрый человѣкъ и пожалѣетъ васъ...

Показала эта старушка и домъ мой, что на Фонтанкѣ, и Лошакова прямо ко мнѣ: такъ и такъ, — говорить, а у самой слезы на глазахъ, — прошу, молю, вашего покровительства; дайте мнѣ возможность повидать Государя, чтобы я могла подать ему просьбу за мужа...

Признаюсь, господа, это была большая для меня неожиданность: но, вникнувъ въ дѣло, подумалъ я, да и говорю:

— Благословясь берусь за это дѣло, хотя не скрою, оно можетъ быть для меня опасно. Доставить вамъ свиданіе съ Царемъ постараюсь, но только какъ кучеръ. А теперь слушайте: завтра Государь въ троечныхъ саняхъ изволитъ ѣхать въ Царское Село. Остановитесь на Адмиралтейскомъ бульварѣ, что противъ Зимняго Дворца, такъ, чтобы быть насупротивъ малаго дворцоваго подъѣзда, да надѣньте на себя что-либо цвѣтное, примѣтное, чтобы я могъ сразу узнать васъ, а то народа, особливо зѣвакъ, при царскихъ проѣздахъ бываетъ не мало, а Государь этого не любитъ, всегда велитъ объѣзжать толпу... Да помните хорошенько, чтобы прошеніе было при васъ! Надѣюсь, что съ Божьею помощью дѣло выгоритъ!

Наутро день былъ пасмурный, шелъ снѣгъ. Подаль я лошадей. Выходитъ Государь. Надобно вамъ знать, что когда Его Величество бываетъ въ хорошемъ расположеніи духа, то, выходя, всегда изволитъ сказать: Здорово, Илья! Но въ тотъ день молча сѣлъ въ сани, и мы тронулись. Думаю себѣ: „плохо дѣло“, но все же не робѣю. Вижу, стоятъ Лошакова впередъ народа. Я, равняясь съ нею, дернулъ по-свойски, по-кучерски. правую пристяжную, она и переступила постромку...

— Какъ же это вамъ удалось? — спросили изумленные офицеры.

— Долго объ это говорить; да вы все-равно хорошо и не поймете... Это наше дѣло, кучерское... Сани, конечно, остановились; другой кучеръ, что стоялъ поодаль, прибѣжалъ освободить лошадь, а я стоялъ въ саняхъ, готовый, чтобы трогать... Въ ту минуту подошла Лошакова и на колѣни передъ Государемъ... Царь поспѣшно вышелъ изъ саней, поднялъ ее и сталъ разспрашивать по-иностранному; мнѣ непонятно было... Она подала Ему свое прошеніе. Онъ взялъ его, милостиво поклонился, и мы быстро помчались... Проѣхали мы Московскую заставу, Государь и говорить мнѣ:

— Это твои шутки, Илья?

— Виновать, — отвѣчаю, — осмѣлюсь рассказать, какъ было дѣло.

И сказалъ Ему все безъ утайки, какъ было доподлинно.

Онъ ласково тогда говорить:

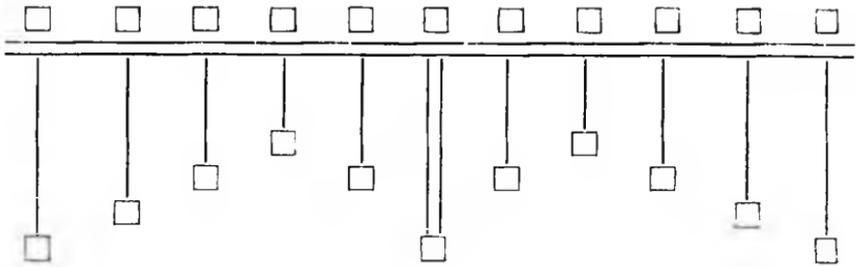
— Спасибо тебѣ! Я прощу Лошакова, произведу его въ дѣйствительные статскіе совѣтники и пошлю сегодня же фельдъегеря, чтобы его поскорѣе освободили изъ кievской крѣпости; но строго приказываю тебѣ впредь не доводить Меня до подобныхъ свиданій.

Снялъ я тогда шляпу и истово перекрестился. Слава Богу, все кончилось благополучно! Была у меня Лошакова на другой день, со слезами поблагодарила меня и восторгалась добротой Императора. Дѣтишкамъ моимъ принесла два ящика конфетъ, много пряниковъ и разныхъ игрушекъ. Послѣ этого она поспѣшила въ Кіевъ, чтобы встрѣтить мужа, когда его освободятъ. Боже мой, какъ она была счастлива! За минуту сознанія хотя слабой крупницы личной пользы отъ содѣйствія въ такомъ добромъ дѣлѣ много можно дать, господа... Великъ Богъ милосердый и добръ нашъ Царь-Батюшка!

Умолкъ Байковъ. Молчали и офицеры, глубоко тронутые его простымъ рассказомъ.

В. Добржинецкій.

НА ПОМОЩЬ СЕМЬѢ И ШКОЛѢ.

I.

О здоровьѣ учащихся. *)

Когда дѣти начинаютъ ходить въ школу (въ Германіи уже съ 6—7 лѣтъ), родители продолжаютъ нести отвѣтственность за то, чтобъ здоровье дѣтей не измѣнялось къ худшему.

Первая забота заключается въ томъ, чтобъ учащіеся пользовались достаточнымъ сномъ, при чемъ, конечно, чѣмъ ребенокъ меньше, тѣмъ больше ему нужно спать.

Обыкновенно придерживаются слѣдующей нормы:

7—9 л. 11 ч. сна, 9—10 л. 10—11 ч., 11—12 л. 10 ч., 13 л. 9¹/₂ ч., 14—15 л. 9 ч., старше 15 л. 8¹/₂ ч.

Поэтому и слѣдуетъ ложиться такъ, чтобы вставать зимой въ 7, а лѣтомъ въ 6 ч. и избѣгать всего того, что мѣшаетъ сну. Не слѣдуетъ читать на ночь увлекательныхъ книгъ, готовить послѣ ужина уроки, а за ужиномъ, не надо много ѣсть и пить. Каждый вечеръ полагается вымыть руки, лицо, шею и вычистить зубы.

Въ спальняхъ не должно быть ни душно, ни холодно. Чѣмъ слабѣе, малокровнѣе дѣти, тѣмъ больше слѣдуетъ топить, но не допускать температуры выше 17° Ц. ¹⁾

Пусть подушки не будутъ слишкомъ мягкими, одѣяла слишкомъ тяжелыми. Все, что на кровати, слѣдуетъ провѣтривать ежедневно и держать на солнцѣ продолжительное время. А гдѣ намъ взять солнца?—слѣдовало бы спросить проф. Бургерштейна.

*) Извлечено изъ нѣмецк. соч. д-ра Бургерштейна.

¹⁾ Въ Германіи, какъ и въ Швейцаріи, Франціи и Италии очень распространенъ обычай спать въ нетопленныхъ комнатахъ.

Дѣтей не слѣдуетъ будить: выспавшись они просыпаются сами. Книги должны быть уложены съ вечера, чтобъ утромъ не была спѣха. Надо давать утромъ какао, слабый чай или кофе съ молокомъ, бутерброды съ мясомъ и яйца. Бутерброды класть въ жестянку на завтракъ въ школу, лакомствъ же не нужно; давать съ собой и стаканчикъ.

Передъ каждой ѣдой надо мыть руки, а послѣ обѣда не заниматься по крайней мѣрѣ въ теченіе часа.

Обѣдъ долженъ состоять изъ легкихъ блюдъ—мяса, овощей, фруктовъ,—надо избѣгать пряностей, всего тяжелого, сырого молока и стараго сыру, алкогольных напитковъ и табака. Если дѣти страдаютъ недостаткомъ аппетита, надо спросить совѣта врача и во всякомъ случаѣ никогда не заставлять ихъ ѣсть насильно.

Вредно обременять уроками, задавать что-нибудь на понедѣльникъ и на каникулы, которыя, кстати сказать, продолжаются въ Германіи 4 недѣли, а не 4 мѣсяца, какъ это принято теперь у насъ.

Очень важно слѣдить за тѣмъ, чтобъ учащіеся сидѣли удобно, прислонившись, когда читаютъ, а во время писанья свѣтъ былъ бы у нихъ съ лѣвой стороны. Вредно, конечно, пригибаться къ столу и держать книгу ближе, чѣмъ на 30 сантимет.

Матерямъ слѣдуетъ разъ въ мѣсяць осматривать дѣвочекъ—не искривленъ ли позвоночникъ и нормально ли положеніе плечъ и бедеръ.

До 14 лѣтъ нельзя позволять ѣздить на велосипедахъ, а слабымъ и малокровнымъ запрещать холодное купанье. Впрочемъ, и здоровые не должны долго оставаться въ водѣ, что такъ любятъ мальчики. Полезно закалять тѣло, обтираясь ежедневно мокрымъ полотенцемъ, но при малѣйшемъ нездоровьѣ—насморкѣ или кашлѣ—надо принимать мѣры. Лучше, чтобы дѣти не ходили въ школу, когда имъ нездоровится—они быстрѣе поправятся, чѣмъ если затянуть нездоровье. Но когда они здоровы, то тѣмъ лучше для укрѣпленія легкихъ, чѣмъ они больше гуляютъ и играютъ на воздухѣ.

Одежда не должна стѣснять движеній: слѣдуетъ избѣгать узкихъ воротничковъ и поясовъ, корсетовъ, подвязокъ, обуви не по ногѣ.

Есть родители, которые будятъ дѣтей по праздникамъ, чтобы предпринять дальнюю прогулку. Это большая ошибка. Можно гулять, но безъ изнуренія и также не слѣдуетъ возвращаться поздно вечеромъ.

Проф. Бургерштейнъ составилъ правила, которыя раздаются учащимся.

М. Безобразова.

II.

Женское дѣло.

„Подолія“ говорить о реформѣ женскаго воспитанія:

„Является самая существенная необходимость научить женщину быть достойной женщиной, выяснить ей ея мѣсто въ жизни и исторіи человѣчества и ея предназначеніе. Правда, у насъ есть масса женскихъ школъ и училищъ, но всѣ эти школы, собственно говоря, ни мужскія ни женскія, а скорѣе, если такъ можно выразиться, безполюя. Безспорно, что школа женская должна быть женской не потому, что на партахъ въ ней будутъ сидѣть не мужчины, а женщины, а потому, что въ системѣ образованія и воспитанія она должна служить только женщинѣ, помогая ей выполнить съ искусствомъ и знаніемъ то назначеніе, которое свыше определено ей, выяснить идейную сторону служенія женщины человѣчеству, сообщать теоретическія свѣдѣнія въ управленіи семьей, домою, въ уходѣ за ребенкомъ, его воспитаніи и пр. Это была бы настоящая женская школа... („Гол. Сибири“.)

III.

Библиографія.

„Отрокъ - Властелинъ“, повесть Л. Жданова. СПб., изд. Ф. Девріена.

Это большой томъ, изданный съ изяществомъ и тщательностью, присущими вообще фирмѣ Девріена. Книга украшена прекрасными рисунками Апсита. Въ повѣсти рѣчь идетъ о Петрѣ Великомъ. Книга предназначена для юнаго читателя, передъ которымъ и развертываются многія картины изъ жизни великаго преобразователя Россіи. Личность Петра такъ крупна, эпоха его такъ богата и содержательна, что въ любомъ изложеніи способна заинтересовать читателя, а снабженная хорошими иллюстраціями, еще болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе.

H.

„Яблонька“, повесть для дѣтей средняго возраста К. Лукашевичъ. Москва. Изд. А. Д. Ступина.

Авторъ передаетъ нравоучительную повѣсть одного крестьянскаго мальчика, Степы, изъ деревни Мирошкина. Любопытный, съ острымъ умомъ, парнишка въ особенности

пристрастился къ ботаникѣ и съ жадностью внималъ разсказамъ школьнаго учителя о ботаникѣ. Получивъ въ подарокъ отводокъ яблони, Степа посадилъ его у себя въ огородѣ и не лѣнился поливать и ухаживать за своей яблонькой, которая скоро принялась и обѣщала развиться въ хорошее деревцо. Но судьба поставила Степу на другой путь: вдова-Марфа свезла сына (Степу) въ городъ и отдала его въ ученіе сапожнику. Плохо пришлось парнишкѣ отъ сердитаго подмастерья, много перенесъ онъ разныхъ невзгодъ. Но, помня наказъ матери, Степа неустанно трудился, стараясь освоиться съ дѣломъ, что ему и удалось. Это было ему какъ бы испытаніемъ и закаленіемъ воли. Затѣмъ судьба смилостивилась надъ нимъ и вернула его къ любимому занятію: Степа попалъ въ помощники къ одному садовнику. Тутъ онъ со рвеніемъ весь отдался любимому дѣлу, быстро изучилъ его и достигъ осязательныхъ успѣховъ. Въ концѣ концовъ, онъ вернулся въ свою деревню, женился, обзавелся прекраснымъ садомъ и пріобрѣлъ матеріальный достатокъ. Желая помочь одиодеревенцамъ, онъ всѣхъ научилъ цвѣтоводству и уходу за плодовыми деревьями, чѣмъ и создалъ имъ хорошій заработокъ. Вотъ къ чему повела любовь мальчика къ своей яблонькѣ. Такова фабула повѣсти, написанной литературно и со знаніемъ деревенскаго быта. Она заинтересуетъ юнаго читателя. Издана книжка чисто и хорошо и украшена многими прекрасными рисунками художника В. В. Спасскаго.

Д.

Свящ. М. Менстровъ.—Конспектъ общей педагогики. *Троицкъ. 1908 г. Ц. 3 к.*

Содержаніе брошюрки исчерпывается ея названіемъ. Это очень толково составленный конспектъ общей педагогики по программѣ, принятой въ женскихъ гимназіяхъ. Цѣль его—облегчить трудъ учащихся при повтореніи, а также при подготовкѣ къ экзамену, вообще напомнить предметъ въ его главныхъ основаніяхъ, но—не замѣнить учебникъ. Книжка вполне отвѣчаетъ той цѣли, для которой она предназначена, а цѣна—3 к.—должна дать ей широкое распространеніе.

Н.

Въ мартовскомъ № дадимъ первый списокъ книгъ, безусловно полезныхъ для всякой дѣтской бібліотеки.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ЛИХОЛѢТЬЯ.

(ОТРЫВОКЪ).

По совѣту предателя Салтыкова Гонсѣвскій велѣлъ зажечь Москворѣчье, и оно запылало со всѣхъ сторонъ. Это поджиганіе полякамъ не обошлось даромъ: въ схваткѣ со стрѣльцами они понесли большой уронъ. Вскорѣ у стѣнъ Деревяннаго-города показались два отряда: одинъ подъ начальствомъ воеводы Плещеева, посланный Ляпуновымъ на помощь москвичамъ, другой подъ командой королевскаго полка Струса—на подмогу Гонсѣвскому. Поляки бросились на русскихъ, опрокинули ихъ и ворвались въ городъ, въ которомъ царилъ ужасная суматоха. Москвичи толпами бѣжали, спасая свою жизнь: одни бѣжали къ Тр. Лаврѣ, другіе къ Тулѣ, многіе бѣжали куда глаза глядятъ, безъ всякой цѣли. Морозъ крѣпчалъ, вьюга злилась. Утопая въ снѣгу по колѣна, бѣжали несчастные москвичи, потерявшіе все имущество. Они съ тоскою смотрѣли назадъ—туда, гдѣ темнѣли груды развалинъ, надъ которыми стояли цѣлыя тучи чернаго дыма.

А тамъ, въ самомъ центрѣ этихъ развалинъ, въ самыхъ густыхъ тучахъ дыма, осыпаемый искрами и головнями, еще боролся одинъ человекъ, присутствіе котораго мѣшало полякамъ провозгласить себя побѣдителями. Это былъ кн. Пожарскій. Цѣлый день отбивался онъ отъ враговъ со своей маленькой ратью, отбивался до тѣхъ поръ, пока наконецъ не упалъ на землю, весь покрытый ранами. Товарищи князя успѣли подхватить его и вывезти изъ Москвы въ Троицкую Лавру. На время поляки могли назвать себя побѣдителями.

Автографъ С. Н. Шубинскаго.

Продать лѣтъ редактированію журнала
это подвигъ тяжелей, но възвѣсть съ тѣмъ и
отрадыи, если сознаешь, что исполняешь его
гестно и не напрасно отдаешь ему свои силы
и способности.

A handwritten signature in cursive script, which appears to be "Шубинский". The signature is written in dark ink and is positioned below the main text. A diagonal line is drawn across the bottom of the signature.

(См. янв. „Дн. Писат.“: Юбилей „Истор. Вѣстн.“.)

ОБО ВСЕМЪ.

I.

Защита вѣры и національности.

Сегодня три столѣтїя, бурныхъ, волнующихся, какъ безпокойное море, протекли съ того знаменательнаго и удивительнаго дня, когда польскїй вождь Сапѣга, отважный и самонадѣянный, проникъ въ самое сердце Россїи, подъ Москву, и самоувѣренно осадилъ Троице-Сергіевскую лавру, единственный оплотъ православїя и самостоятельности Россїи. 30.000 шляхтичей и солдатъ съ 60 орудїями привелъ съ собою польскїй полководецъ, а противъ были монахи, женщины, дѣти и горсть стрѣльцовъ. И вотъ монахи, послѣ эктени, молитвъ и покаянїи, одѣвають на черныя ризы брони, опоясываются мечами и всю ночь ходятъ дозорами по стѣнамъ лавры. А въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ раздаются торжествующїя ибени разгулявагоса врага, слышатся смѣющїяся ибени и звонъ заздравныхъ чашъ. Что значить взять монашескую обитель и старымъ, испытаннымъ въ бояхъ, грабежахъ и насилїяхъ солдатамъ справиться съ неумѣлой монастырской рукой?

Когда-то жилъ преподобный Сергїй Радонежскїй. Въ глухихъ непроходимыхъ лѣсахъ, не боясь ни звѣрей ни людей, онъ создалъ скромную келью подъ Москвой. И вокругъ затерянной въ полумракѣ лѣсовъ землянки стало расти селенїе. Мужикъ, бояринъ и купецъ шель сюда со своей скорбной заботой и тоской въ поискахъ неуловимой правды и защиты отъ лихихъ людей. Но суровъ былъ отшельникъ: за правдой и крестомъ онъ шель тѣмъ тернистымъ путемъ, который выводилъ Россїю изъ печенѣжскихъ, половецкихъ, татарскихъ и другихъ иноземныхъ путей. Слава бѣдной обители росла, а съ нею выросли высокія каменныя стѣны со сводами и бойницами, съ башнями и рвами. Въ тѣ времена вѣра въ Христа защищалась стѣнами и калеными стрѣлами.

Года прошли. Приходили татары, сожгли лавру, поживились бѣднымъ монастырскимъ добромъ, ушли. Это было черезъ 50 лѣтъ послѣ основанія обители. Но она выросла изъ пепла и труповъ могучей каменной стѣной, съ каменными храмами, гдѣ были готовы воинскія бойницы. Кругомъ подъ защитой стѣнъ пріютились убогія деревни, огражденныя святостью мѣста. Но пришелъ польскій воевода, надменный и ненавидящій все, что отзываетъ схизмой, и запылали жилища внѣ ограды — тотъ огонь вражды и ненависти, племенной и религіозной, что еще до сихъ поръ, 300 лѣтъ, горитъ, согрѣвая сердце нѣмца, смотрящаго на славянскую рознь. Началась неравная борьба: противъ 75.000 солдатъ, казаковъ и вѣчно искавшихъ приключеній бездомныхъ шляхтичей вся лавра могла выставить всего только 3.000 защитниковъ изъ монаховъ, стрѣльцовъ, казаковъ, боярскихъ дѣтей и крестьянъ. 23 сентября 1608 г. одна изъ многихъ славныхъ страницъ русской исторіи открылась и, вся залитая кровью, закрылась подъ громъ побѣдоносной мощи русскаго духа.

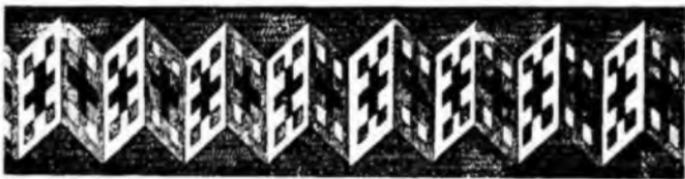
Во главѣ крѣпости - монастыря сталъ смиренный инокъ, архимандритъ Іоасафъ. Сами монахи готовили и порохъ и мины. Отбивали приступъ за приступомъ, атаку за атакой, а затѣмъ сами выходили мѣряться съ противникомъ въ чистомъ полѣ и били его бердышами, сѣкирами и пищалями. Не щадили своей жизни русскіе люди.

Когда поляки подвели подкопъ подъ крѣпостную стѣну, двое крестьянъ взорвали мину и сами тамъ же погибли.

Старый монахъ Нифонтъ съ 200 солдатами и 30 монахами взялъ 3 батареи, затѣмъ отбилъ отрядъ Сапѣги и еще захватилъ всѣ батареи и 8 орудій. До 2.000 человекъ потерялъ врагъ, осаждающій въ эту вылазку защитниковъ.

Мужественно боролись и спокойно умирали русскіе люди. Въ послѣдніе дни осады умирали по 100 человекъ въ день отъ цынги, голоданія и ранъ. Всего шесть монаховъ осталось въ живыхъ изъ всей монашеской братіи. Годъ и 110 дней длилась неравная борьба за народную святыню, за самое сердце Россіи отъ жестокаго и безпощаднаго врага. Только горсть защитниковъ осталась въ живыхъ въ полуразрушенномъ, полусожженномъ монастырѣ. Но эта горсть пережила три долгихъ столѣтія. Много смуть видѣла Россія съ тѣхъ поръ: боролась, обливалась кровью, падала, поднималась, но все росла, все крѣпла, ширялась, богатѣла и выдержала до конца всѣ испытанія. И не забудется никогда въ памяти нашей эта година, въ которой крестъ и мечъ сошлись рядомъ, и за кровавымъ туманомъ человѣческихъ страданій, нанесенныхъ мечомъ, поднимается свѣтлая радость вѣры въ будущее. („Н. Вр.“)

II.

КЪ 300-ЛѢТІЮ ОСАДЫ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ.

(25 сент. 1608—12 янв. 1610 гг.)

„...Въ память впредь-идушимъ родомъ,
да незабвенны будутъ благодаренія Божія“...
(*Авраамія Палицина* „Сказаніе объ осадѣ
Троице-Сергіевой Лавры“.)

I.

Свято-Троицкая Лавра, древняя обитель великаго „печальника“ земли Русской, преподобнаго Сергія Радонежскаго, воспоминаетъ нынѣ 300-ю годовщину знаменательнаго въ ея исторіи событія — прекращенія осады войсками Сапѣги и Лисовскаго.

II.

Взглянемъ на то страшное время и представимъ себѣ ужасную картину осады Сергіевой обители.

Правда, стѣны и башни монастырскія казались, новидимому, достаточно крѣпки и грозны для осаждавшаго ихъ непріятеля и были снабжены всѣмъ необходимымъ для защиты. Но эта крѣпость была лишь кажущаяся. Непрочность укрѣпленій,—говорить Тр. Патерикъ,—видна была защитникамъ Лавры еще прежде осады; особенно западная стѣна была ветха и нена-

дежна. Запасовъ продовольствія было немного. Братіи было всего 300 человекъ. А число „защитниковъ“, присланныхъ царемъ Василіемъ Іоанновичемъ, простиралось въ началѣ осады лишь до двухъ съ половиной тысячь...

Вражескихъ же войскъ, славившихся безумною отвагой и дерзостью, было не менѣе 30.000... И при томъ—полная свобода движенія, безпрепятственный подвозъ продовольствія и боевыхъ снарядовъ и всевозможныхъ подкрѣпленій.

Внутри обители—голодъ, страшныя болѣзни, раздирающій душу плачь женщинъ и дѣтей, губительный моръ,—вѣдь почти вся площадь, занимаемая Лаврой, до сихъ поръ представляетъ изъ себя одно необъятное кладбище несчастныхъ жертвъ того времени!— и *снаружи*—полная свобода, полное довольство и обиліе всего...

Что же удерживало столько времени до безумія смѣлѣя, отважныя войска Яна Сапѣги и разбойника Лисовскаго передъ безсильною почти иноческою обителью, овладѣть которою они такъ неотступно стремились?

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ прочитаемъ длинный перечень *дивныхъ событій*, свидѣтелемъ которыхъ была Сергіева Лавра за всѣ эти шестнадцать мѣсяцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ,—прочитайте со вниманіемъ лѣтопись Авраамія Палицина и вы не отдѣляетесь отъ впечатлѣнія, будто *жилъ* все это время преподобный основатель Лавры вмѣстѣ съ ея защитниками, будто постоянно, неотступно, неизмѣнно слѣдовалъ онъ за ними всюду *лично* и лично же руководилъ ими...

Страшное, но вмѣстѣ и дивное время переживала тогда обитель великаго чудотворца!

Въ самый день праздника Преподобнаго Сергія, 25-го сентября 1608 года, обложили Лавру войска Сапѣги и Лисовскаго.

И началась долгая, жестокая осада,—начались и дивныя явленія благодатной защиты.

III.

... Темная глубокая ночь. Въ маленькой, тѣсной келийкѣ стоитъ на молитвѣ старецъ Пименъ. Горяча молитва его... „Преподобный отче! — зываетъ онъ,—спаси, помоги, избавь твою обитель и твоихъ чадь отъ воровъ лютыхъ!“... И словно въ отвѣтъ на эти мольбы внезапно ярко освѣщается оконце келия, — старецъ глядитъ въ него... Чудный огненный столпъ восходитъ къ темному небу надъ кровлею Троицкаго собора... Старецъ зоветъ близъ живущихъ иноковъ. Всѣ видятъ дивное явленіе, и прославляютъ Господа, принимающаго обитель подъ свою защиту...

... Въ храмѣ Пресвятыя Живоначальной Троицы молебное пѣніе, — то молятся блаженный архимандритъ Іоасафъ и весь „освященный“ соборъ обители. А съ ближняго Клементьева поля такъ и сыпятся „разжженные“ желѣзныя ядра на древнія стѣны ея... И дивятся враги: „нерушимы“ стоять эти древнія стѣны, лишь только „огнь исходитъ отъ нихъ“, — отъ глины простой искры сыпятся!..

...Отошла утренняя въ соборѣ. Вернулся въ свою келію пономарь Ирнархъ, прилежъ немного отдохнуть и забылся сномъ. И видитъ онъ вдругъ, входитъ въ его келію Преподобный Сергій и говоритъ ему: „Скажи, братъ, воеводамъ и ратнымъ людямъ, — будетъ тяжкій приступъ къ пивному двору, да не ослабѣвають они, но пусть дерзають съ надеждой!“ И видитъ Ирнархъ, какъ обходитъ святой игумень по монастырю и по службамъ и кропитъ святою водою монастырскія строения...

... День празднованія святого мученика Димитрія Солунскаго. Архимандритъ Іоасафъ съ иноками выходятъ на стѣны обители и обходятъ ихъ со святыми иконами и молебнымъ пѣніемъ. Мирно идутъ и молятся защитники Лавры, — но чего же тамъ испугались осаждающіе ее литовскіе и польскіе воины? Отъ чего столь поспѣшно бѣгутъ они отъ стѣны ея и прячутся въ „таборы“ свои?

... Долго молился архимандритъ Іоасафъ передъ ракой Преподобнаго. Усталъ онъ и задремалъ. И видитъ: стоитъ самъ Преподобный Сергій передъ иконой Пресвятыя Троицы, воздѣлъ горѣ руки и молится со слезами.

— Брате, возстани! — говоритъ онъ затѣмъ архимандриту: — се время пѣвію и молитвѣ часъ; блдите и молитесь, да не увидите въ напасть!...

Вотъ приводятъ къ архимандриту бѣглаго казака Ивана Рязанца изъ Литовскаго войска. Со страхомъ повѣствуетъ бѣглець о явленіи Преподобнаго атаману и казакамъ во вражескомъ станѣ. Подробно рассказываетъ онъ какъ видѣли они двухъ свѣтозарныхъ старцевъ съ сѣдыми брадами. Преподобные Сергій и Никонъ, — несомѣнно, то были они! — ходили вокругъ стѣны обители съ кадильницей и крестомъ въ рукахъ и такъ строго „запрещали имъ“: — „О злодѣи! почто пришли вы сюда раззорять домъ Пресвятыя Троицы?... Но не дасть вамъ успѣха Господь!... „И пустили литовцы свои стрѣлы въ святыхъ старцевъ, — но возвратились эти стрѣлы обратно къ пустившимъ ихъ и ранили многихъ... И въ ту же ночь снова являлся Преподобный Сергій многимъ въ станѣ литовскомъ, даже самому гетману, и укорялъ и угрожалъ мученіями ада. Это явленіе имѣло послѣдствіемъ отложеніе отъ вражескаго войска храбраго казака Стефана Епифанца и его людей...

8-е ноября — день св. Архангела Михаила. И словно нарочно, въ этотъ самый день ударило вражеское ядро въ алтарное окно Троицкаго

Осада Троице-Сергиевой Лавры.

собора, влетѣло въ храмъ и пробило икону святаго Архистратига. И во время молебна видить внезапно архимандритъ Іоасафъ самого Архангела... Лидо его сіяетъ дивнымъ свѣтомъ, въ рукѣ жезлъ, и грозно говорить онъ врагамъ: „Всесильный Богъ воздастъ вамъ вскорѣ отмщєніе!“...

И снова видить блаженный Іоасафъ въ своей кельѣ преподобнаго игумена, и снова видятъ его многочисленные иноки ходящимъ по монастырю, — онъ даже говоритъ съ ними, онъ посылаетъ ихъ въ храмъ на молитву... Они видятъ съ нимъ также и святителя Серапіона...

— Отче Серапіоне, — говоритъ Сергій, — почто замедлилъ принести молебное пѣніе Господу и Его Пречистой Матери?... — и въздѣваетъ святитель Серапіонъ свои руки къ образу Богоматери и со слезами молится: „О, всепѣтая Маги!...“

Вотъ снова темная-темная ночь, — снова молебное пѣніе въ соборѣ Живоначальныхъ Тронцы... Кончается молебенъ. Тихо, крадучись, выходятъ изъ храма защитники обители; они идутъ за стѣны ея, на приступъ, — они неслышно подойдутъ къ вражескому стану и внезапно ударятъ на врага!.. Но, — увь! — они опоздали!.. На востокѣ уже алѣетъ заря; еще немного — и взойдетъ солнце, и все кругомъ освѣтится, — они опоздали!

Да, они опоздали, — но ихъ молитва не была суе!

Внезапно, — говоритъ лѣтопись, — „наидоша облаци темныя, и омрачїся небо, и бысть тьма, яко ни чловѣка видѣти“...

И вышли защитники обители подѣ покровомъ этой чудесной тьмы и подошли къ непрїателю.

„И абїе буря великая возста и прогна мракъ и темныя облаки, и очисти воздухъ, и бысть свѣтло“... И ударили воины преподобнаго на „лютаго“ врага своего, и побѣжали войска Салѣги, — „гнѣвомъ Божиимъ гоними побѣгоша“, говоритъ лѣтописецъ.

Или вотъ, — соединились за горой Волкушей Лисовскїй и Салѣга и совѣщаются, какъ бы лучше и скорѣ овладѣть обителью чудотворца Сергія. И видятъ они внезапно, ѣдетъ передъ ихъ войсками невѣдомый дивный старецъ-монахъ съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ и угрожаетъ имъ этимъ мечомъ... Они бросаются навстрѣчу ему, — но старецъ невидимъ...

... Проходитъ послѣ этого нѣсколько времени, — начинаютъ уже оскудѣвать запасы обители, ропщутъ нѣкоторые маловѣрные изъ защитниковъ, голодь заставляетъ ихъ брать лишнее изъ запасовъ, не слушаютъ они болѣе въ безумїи своемъ настоятеля Іоасафа, „моляще“ увѣщающаго ихъ, — и вотъ являются передъ ними преподобный Сергій и Никонъ...

— Что лукавствуете неправедно, — слышатъ они укоръ святаго игумена...

... Вотъ вновѣ скорбитъ въ своей келіи пономарь Ирианархъ, — и вновѣ видитъ онъ передъ собой преподобнаго Сергія.

— Скажи братіи и всѣмъ страждущимъ въ осаждѣ, — говоритъ онъ, — зачѣмъ унывають и рошчутъ на Держащаго скипетръ: я неотступно молю Христа Бога моего...

... И, словно повторяя тѣ же слова утѣшенія, является Ирианархъ и преподобный Никонъ.

— Повѣдай болящимъ, — говоритъ онъ, — въ эту ночь выпадетъ свѣтъ; пусть же всѣ хотящіе получить исцѣленіе вытрутся этимъ свѣтломъ. Скажи людямъ, что это говоритъ Никонъ.

Ясная, звѣздная ночь надъ Лаврой. Темною громадой высится массивный Успенскій соборъ. Кругомъ все темно и тихо на обширномъ монастырскомъ дворѣ. Лишь на кровлѣ Свято-Духовской церкви замѣтно какое-то движеніе. То пробирается осторожно одинъ изъ ночной стражи, поставленной тамъ для наблюденія. Уже скоро утренняя, — утомленные товарищи заснули, не спитъ лишь онъ одинъ, очередной. Тихо ходитъ онъ и всматривается въ ночную мглу. Вотъ проходитъ онъ по сторонѣ, выходящей къ Успенскому собору. Но что же это такое?!.. въ изумленіи останавливается стражникъ. Въ соборѣ темно, а между тѣмъ чудное пѣніе несется изъ него въ этотъ неурочный часъ ночи...

Стражникъ будитъ товарищей, — и всѣ слышатъ дивное пѣніе и недоумѣвають...

— Отпѣвають умершихъ, — говоритъ одинъ, — вѣдь ихъ всегда тамъ отпѣвають.

— Что ты, братъ, — возражаетъ другой, — ночью-то! слыхано ли это когда, — да и темно тамъ совсѣмъ, ни свѣчки не горитъ!

— И на молебное пѣніе не похоже!

— Не такъ поютъ, какъ монахи, да и не мірское это пѣніе также!

— „Звѣло красно“ пѣніе и „множество поющихъ немолчно и безпрестанно, и гласы громкіе“...

Спускается часть стражниковъ и идутъ къ собору. Но—о чудо! — никакого пѣнія не слышно болѣе въ совершенно темномъ соборѣ.

— Ослышались мы, братія, — говорятъ они снизу оставшимся на кровлѣ, — искушеніе было намъ, никакого пѣнія не слышно въ храмѣ Успенія Пресвятыя Богородицы!

— Нѣтъ, — отвѣчаютъ имъ съ кровли, — дивное пѣніе не умолкло, оно слышится еще громче!..

Пришли вскорѣ и другіе шюки и міряне... Долго стояли всѣ въ благоговѣйномъ ужасѣ и слушали чудное пѣніе. Оно громко, ясно неслось изъ

Св. Троице-Сергиева Лавра.

собора для всѣхъ, слушавшихъ его издали, но мгновенно умолкало для пробовавшихъ проникнуть въ храмъ...

И такъ продолжалось, пока не ударили къ утренѣ...

Ночь на 31-е іюля 1609 года. Готовятся къ ожесточенному приступу войска Сапѣги и Лисовскаго. Врасплохъ, во время сна осажденных хотятъ они напасть на нихъ... Они знаютъ: защитники Лавры теперь уже ослабѣли, — увы! ихъ теперь уже не болѣе 200...

Вражескія войска раздѣлились, — часть ихъ идетъ прямо на приступъ, другіе же залегли за „прудами“.

И вотъ — внезапно дивное явленіе представляется имъ: летитъ съ небесъ „великая звѣзда“, падаетъ среди монастырскаго двора, и разсыпаются отъ нея огненные искры во всѣ стороны... И всю ту ночь сіяетъ надъ обителью „свѣтъ великій“, и „звѣзды падаютъ вокругъ нея“... И видятъ залегшіе „между прудами“ воины атамана Андрея Болдыря: течетъ страшно быстрая, бурная рѣка между ними и монастыремъ... громадная сломанная бурей колоды и деревья стремительно несутся по ея вздувшимся, кипящимъ пѣной волнамъ... и вотъ снова стоятъ предъ испуганнымъ, недоумѣвающимъ взоромъ врага два старца, „сѣдинами яко снѣгомъ украшены“... И слышенъ невѣдомый гласъ, несущійся по обители: „спите спокойно, ничего нѣтъ и не будетъ!“

И раскаялся въ ужасѣ отъ видѣнія Андрей Болдырь — и, „улучивъ время“, сбѣжалъ изъ вражескаго войска...

Въ Лаврѣ же, дѣйствительно, все было вполне спокойно этою ночью, и никто ничего не видалъ и не слышалъ!..

Въ третій разъ является преподобный игумень Сергій пономарю Приварху.

— Скажи братіи и ратнымъ людямъ, — говоритъ онъ ему, — почто скорбятъ, что нельзя послать вѣстника въ Москву? Я послалъ отъ себя къ Москвѣ въ домъ Пречистыя Богородицы и къ Московскимъ чудотворцамъ трехъ учениковъ своихъ, Михея, Варсонофія и Наума, въ третьемъ часу ночи.

И въ томъ же часу видѣли вражескія войска трехъ иноковъ, выѣхавшихъ куда-то изъ обители и скрывшихся отъ ихъ взоровъ прежде, нежели успѣли они послать за ними погоню...

Видѣли ихъ также и въ Москвѣ, входящихъ въ Богоявленскій монастырь...

... Великое оскудѣніе въ съѣстныхъ припасахъ наступило въ обители подъ конецъ осады, но блаженный архимандритъ Іоасафъ не унывалъ. Онъ попрежнему молился и пекася о всѣхъ нищихъ, убогихъ и больныхъ, нашедшихъ пріютъ въ монастырѣ.

— Лучше намъ умереть,—говорилъ онъ ронтавшимъ на его дѣнствія,— нежели перестать пещись о сиротахъ; но не допуститъ насъ великій Сѣргій умереть съ голоду!

И не тщетны оказались молитвы праведнаго настоятеля и упованія его!

Всего лишь на *семь* дней оставалось тогда пищи въ обители... а пропитались ею всѣ жившіе въ ней, и монахи и мірскіе, — ровно *84 дня*, отъ 12 октября до 12 января!

12 же января 1610 года, — говоритъ лѣтопись, — „Салѣга и Лисовскій отъ Троицы со всѣми людьми польскими и литовскими побѣжали къ Дмитрову“.

Тяжкая осада окончилась, и вѣрные защитники обители облегченно вздохнули и воздали хвалу спасшимъ ихъ Пресвятой Богородицѣ и великому чудотворцу Сѣргію. („Моск. Вѣд.“ А. К.)

Ш.

ЛЕКЦІЯ КАМЧАТСКАГО МИССІОНЕРА ІЕРОМОНАХА НЕСТОРА.

Въ залѣ общества религиозно-нравственнаго просвѣщенія, на Стремянной улицѣ, въ 8 часовъ вечера 17 января камчатскій миссіонеръ о. Несторъ читалъ публичную лекцію о состояніи камчатской миссіи и о жителяхъ Камчатки. Залъ и хоры были переполнены слушателями. Чтеніе иллюстрировалось свѣтовыми картинами при помощи волшебнаго фонаря.

Описавъ сначала географическое положеніе Камчатки, о. Несторъ остановилъ особое вниманіе на жителяхъ Камчатки тунгусахъ и другихъ инородцахъ. Оказывается, что одновременно съ просвѣщеніемъ Христовымъ язычниковъ Камчатки ему приходится и помогать имъ матеріально. О. Несторъ прибылъ на Камчатку въ 1907 году, когда тамъ былъ ужасный голодъ. Картины ужаса голода, рассказанныя о. Несторомъ, трудно описать,

тѣмъ болѣе, что одновременно съ голодомъ тамъ свирѣпствовала цынга, венерическія болѣзни и проказа. Цынгой болѣлъ о. Несторъ и, благодаря этому онъ выѣхалъ вотъ уже годъ тому назадъ съ Камчатки для леченія въ Россію.

Тунгусы, по его описанію, очень хорошій, довѣрчивый и простодушный народъ, но условія жизни ихъ очень тяжелы. Бѣднота и отсутствіе всякой культурности и помощи имъ отъ кого бы то ни было окончателно дѣлаютъ существованіе ихъ ужаснымъ.

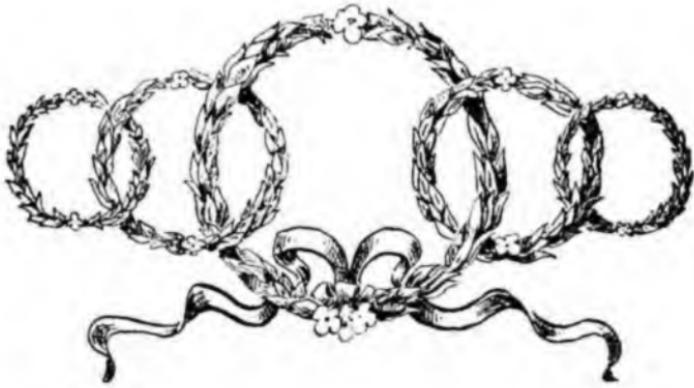
На Камчаткѣ всего два миссіонера на районъ 650 тысячъ квадрат. верстъ. Обѣзды всего района онъ совершалъ на собакахъ и оленяхъ при всевозможныхъ неудобствахъ.

Посѣтить всѣхъ камчадаловъ въ одинъ годъ нѣтъ возможности, а потому они скоро забываютъ Христа и обращаются къ шаманству. Медицинская помощь страшно-болѣзненному тамъ населенію почти отсутствуетъ, за исключеніемъ помощи отъ 3 сестеръ милосердія, работающихъ тамъ при ужасныхъ условіяхъ. Одна сестра милосердія, между прочимъ, одновременно съ леченіемъ больныхъ даже и миссіонерствуетъ изъ любви къ Христову дѣлу. Средства, отпускаемая миссіонерскимъ комитетомъ на камчатскую миссію, очень ничтожны, и только на пожертвованія добрыхъ людей эта миссія тамъ держится. Главнымъ жертвователемъ былъ покойный о. Іоаннъ Кронштадтскій, благословившій о. Нестора на это великое дѣло и помогавшій ему матеріально и нравственно.

Послѣ чтенія былъ произведенъ сборъ пожертвованія на камчатскую миссію; собрано до 300 р. Во время сбора пѣвчіе и ученицы школы общества спѣли подъ аккомпаниментъ фисгармоніи нѣсколько духовно-нравственныхъ пѣснь.

Пожелаемъ о. Нестору, поправившись отъ болѣзни, поѣхать снова въ Камчатку для продолженія великаго Христова дѣла, на которое слушатели его лекціи такъ охотно и жертвовали. („Кол.“ Л.)

IV.

ЧЕХОВСКІЙ ДЕНЬ.

17-го января 1910 года справлялся 50-лѣтній юбилей дня рожденія Чехова: онъ родился 17-го января 1860 года.

Печальный праздникъ, потому что слишкомъ замѣтно отсутствіе на немъ юбиляра. Еще живы всѣ его друзья и писатели-сверстники, дѣла вся среда послѣднихъ лѣтъ его жизни, въ литературѣ въ высшей степени ощущается его вліяніе такъ же, какъ въ русскомъ театрѣ — его новаторство. Въ такой степени наша духовная жизнь и мы сами полны еще Чеховымъ, что его отсутствіе кажется случайнымъ и временнымъ: точно онъ уѣхалъ опять куда-нибудь на Сахалинъ или вокругъ свѣта, и вотъ-вотъ вернется и напишетъ намъ еще одну „скучную“ пьесу, а Художественный театръ поставитъ ее по всѣмъ правиламъ своего недантичнаго реализма.

Чеховъ умеръ всего 14 лѣтъ и послѣдніе годы тяжело боролся съ медленно подтачивавшей болѣзью, тѣмъ не менѣе Чеховъ принадлежитъ къ числу писателей, наиболѣе опредѣленныхъ въ русской литературѣ, слѣдовательно, наиболѣе договорившихъ свое слово. Это сказалося даже въ послѣднихъ его произведеніяхъ, которыя, или повторяютъ съ меньшей яркостью настроенія предыдущихъ, какъ „Вишневый садъ“, „Архіерей“ и т. п., или же бессильно порываются къ какой-то неясной новизнѣ, какъ мало-удачный рассказъ „Невѣста“. По крайней мѣрѣ, когда теперь смотришь на „Вишневый садъ“ на сценѣ московскаго Художественнаго театра, не безъ нѣкотораго удивленія не находишь въ себѣ той остроты впе-

чутливый, которой волновали когда-то „Дядя Ваня“ и „Три сестры“. Правда, что тому уже десять лѣтъ... Года бѣгутъ, „мѣняя все, мѣняя насъ“.

Творчество Чехова — „сумеречное“ и сумрачное, но воиолгѣ ясное и осязаемое. Это творчество, въ которомъ нѣтъ никакой загадки, и такъ и хочется повторить о немъ опредѣленіе Тургенева: „Самое страшное — когда нѣтъ ничего страшнаго“.

Созданія Чехова суть, конечно, самыя реальныя творенія во всей нашей литературѣ — самый реалистическій ея моментъ. Сравнительно съ Чеховымъ

даже Левъ Толстой кажется фантазеромъ.

Чеховъ — первый и послѣдній русскій писатель, у котораго нѣтъ героевъ. Нѣтъ — и не было даже въ самыхъ раннихъ, юношескихъ произведеніяхъ. У него, впрочемъ, и нѣтъ никакихъ особенныхъ „юношескихъ“ произведеній, какъ нѣтъ вообще различія зрѣлости и незрѣлости въ его творчествѣ: есть только различіе настроеній.

А. П. Чеховъ.

Въ смыслѣ развитія онъ былъ „зрѣлымъ“ съ самыхъ первыхъ шаговъ своихъ въ литературѣ, какъ впечатлѣніе такой же необычайно ранней зрѣлости онъ производитъ въ своихъ письмахъ и въ просвѣчивающихъ сквозь нихъ личныхъ отношеніяхъ. Вездѣ виденъ человекъ, увѣренно стоящій на своихъ ногахъ и съ самаго начала совершенно свободный отъ какихъ бы то ни было „вліяній“. Послѣдняя черта особенно замѣчательна, если вспомнить какъ „женственный“ характеръ самого Чехова, такъ и неопредѣленность литературныхъ настроеній въ восьмидесятые годы, когда онъ начиналъ писать, а также неважное положение тогда литературной молодежи — совершенно противоположное теперешнему. Какъ теперь „публика“ интересуется въ сущности только молодыми авторами и чѣмъ писатель моложе, тѣмъ кажется, больше у него шансовъ на вниманіе, — такъ восьмидесятые годы прошлаго столѣтія были, напротивъ, временемъ самаго сердитаго литературнаго академизма и безнадежнаго „храненія традицій“. Писатель, не желавшій или не успѣвшій такъ или иначе согласовать свои писанія съ требованіями такъ называемыхъ „передовыхъ элементовъ“, риско-

валъ остаться безъ „признанія“ и даже безъ возможности печататься. Чехова выручило тогда „Новое Время“, которое первое „признало“ его — лѣтъ на пятнадцать раньше, чѣмъ теперешніе его ревнивые друзья, которымъ такъ хотѣлось бы передѣлать этотъ фактъ. Но, увы! сами боги не властны сдѣлать бывшаго не бывшимъ! А было то, что „передовые элементы“ фыркали на Чехова и считали его „маленькимъ“ вплоть до той самой поры, когда „великій“ Максимъ Горькій вытащилъ его, вмѣстѣ съ десяткомъ другихъ „молодыхъ“, на аванъ-сцену „общественнаго вниманія“. А тамъ уже удѣльный вѣсъ cadaго оказалъ свое дѣйствіе, и Чеховъ попалъ на свою полочку.

Эта полочка, какъ бы высоко ни поднималась она въ отношеніи „чистаго художества“, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ находится безспорно „на уровнѣ вѣка“. Въ самомъ дѣлѣ, трудно найти писателя до такой степени согласованнаго со своей эпохой и со средой, изъ которой онъ вышелъ, какъ Чеховъ. Его имя можетъ стать нарицательнымъ для обозначенія если не всей Россіи, то русскаго интеллигентнаго слоя конца XIX вѣка и первыхъ годовъ XX вѣка. „Эпоха Чехова“ — это такое же опредѣленное и сразу понятное опредѣленіе, какъ, напр., „эпоха Тургенева“. Какъ при имени Тургенева намъ сейчасъ же вспоминается, какъ „дополнительный звукъ“, какъ внутреннее эхо: „Дворянское гнѣздо“, и мы уже слышимъ шумъ его липовыхъ аллей и видимъ его романтическихъ, мягкодушныхъ, чуть-чуть наивныхъ, чуть-чуть невзрослыхъ героевъ и героинь, съ ихъ вѣчной влюбленностью, вѣчными мечтами и дворянской „неосновательностью“ — точно такъ же со временемъ имя Чехова будетъ вызывать въ воображеніи столь же опредѣленныя картины; уныло-безвкусную „интеллигентную“ квартиру нашихъ дней, непременно въ Москвѣ, гдѣ-нибудь на Малой Бронной, и въ этой квартирѣ страдающихъ отъ внутренняго разлада „несобранныхъ“ современныхъ русскихъ интеллигентовъ и ихъ женщинъ, чеховскихъ женщинъ, то запутавшихся въ безтолковой „любви“ между Володей большимъ и Володей маленькимъ, то изнывающихъ отъ того же душевнаго разброда. А въ дополненіе явятся такія же блеклыя картины уныло-растерянной жизни по раззореннымъ усадьбамъ и глухимъ провинціальнымъ угламъ. Чеховъ — такой же „пѣвецъ“ русской интеллигенціи, какъ Тургеневъ былъ пѣвцомъ русскаго дворянства.

Вернемся къ Чехову. Пожалуй, долгая непопулярность или полупопулярность и запоздалое, точно „противъ воли“ признаніе писателя, который до такой степени являлся зеркаломъ своей эпохи, имѣетъ себѣ объясненіе также въ общечеловѣческой слабости пенять на „кривизну“ зеркаль. Въ другихъ случаяхъ случается наоборотъ: своевременность писателя гарантируетъ ему быстрый и даже преувеличенный успѣхъ. Этого тѣмъ

болѣе можно было ожидать для Чехова, что творчество его, какъ я уже упоминалъ, не задаетъ никакихъ загадокъ.

Въ этомъ отношеніи его можно назвать обратнымъ полюсомъ Чехову: Достоевскій писалъ только для „поученія“, „ради идеала“. Онъ былъ такъ же неспособенъ прикоснуться къ реализму жизни, какъ Чеховъ подойти къ ней съ идеалистическимъ „fiat“! Вотъ два типа писателей — активный и пассивный.

Русскіе писатели, въ числѣ другихъ своихъ обязанностей, имѣли представлять русской публикѣ героевъ, по крайней мѣрѣ по одному каждое десятилѣтіе. Это началось очень-очень давно, — съ самаго дѣдушки Карамзина съ его чувствительнымъ Эрастомъ. Потомъ пришелъ Пушкинъ съ Онѣгинымъ, потомъ Лермонтовъ съ Печориннымъ. Эти были такіе блестящіе. Дальше пошло тише, блѣднѣе. Но все-таки Рудинъ и Базаровъ были еще „душки“ хоть куда. Даже Райскій, даже Маркъ Волоховъ въ крайнемъ случаѣ могли сойти... Скученъ Константинъ Левинъ съ его ежегодными „обновлениями“ — скученъ, но зато солиденъ. Призрачны силуэты Достоевскаго, но зато говорятъ по умному. Вдругъ послѣ долгаго перерыва, послѣ долгаго чаянія пришелъ этотъ „сумеречный“ Чеховъ... Никакого героя! Знай себѣ рисуетъ „хмурыхъ людей“, да унылую нашу жизнь, которую мы, кажется, и безъ него вдоль и поперекъ знаемъ. Никакого героя и никакихъ даже умныхъ разговоровъ, — хоть ступай за ними къ Боборыкину! Что это за писатель?! Что это за преступное „общественное равнодушіе“!

Теперь издаются и сборники писемъ Чехова. Какъ характерны эти письма! У насъ уже успѣли сказать о нихъ всѣ обычные трафаретныя глупости: и глубоки-то они, и поучительны, и подобны письмамъ Пушкина, и полны остроумія и пр.

На дѣлѣ это—типичныя письма средняго русскаго интеллигента, умнаго, веселаго, безпритязательнаго, склоннаго къ дружбѣ, любящаго жизнь, но не очень надъ ней размышляющаго, а берущаго ее, „какъ она есть“. Съ письмами Пушкина тутъ уже потому нѣтъ параллели, что нѣтъ аналогіи между ролью Пушкина въ исторіи нашей культуры и положеніемъ въ ней Чехова.

Онъ былъ „краткимъ изображеніемъ“ только русскаго интеллигента 90-хъ годовъ, порядочно растерявшаго доставшуюся отъ предковъ культурность и со скептической лѣнцою поглядывающаго на собственное бытіе. Самый языкъ его писемъ, разстегнутый на всѣ пуговицы, типично „студенческій“, характерный „стиль“ русскаго интеллигента. („Н. Вр.“)

V.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Зрительные образы, возбуждаемые музыкой.

Возбуждасть ли въ васъ музыка какія-нибудь зрительныя представленія? Когда вы слушаете симфонію Бетховена или сонату Шумана, — проносятся ли передъ вашими глазами таинственные человѣческіе образы и фантастическіе пейзажи?

Когда композиторъ приступаетъ къ созданію новой вещи, передъ его умственнымъ взоромъ нерѣдко встаютъ цѣлыя отчетливыя картины. Такъ, Шуманъ видѣлъ дѣтей, играющихъ на зеленой полянѣ въ тѣсу и весело танцующихъ, пока внезапное появленіе сатира не заставило ихъ съ крикомъ разбѣжаться по домамъ. Но немногіе умѣютъ облечь галлюцинаціи, рождаемыя музыкой, въ отчетливую форму. Мендельсона, бывшаго далеко незауряднымъ рисовальщикомъ, часто просили изобразить на бумагѣ то, что онъ видитъ при сочиненіи той или другой вещи, но онъ всегда отказывался: „Это то же самое, что просить скульптора написать портретъ его изваянія“, — сказалъ онъ однажды. „Искусство, какъ и человѣческое тѣло, составляетъ одно цѣлое, но каждый изъ его членовъ имѣетъ свою функцію. Функція музыки — слышать, но не видѣть“.

Тѣмъ не менѣе интересно *видѣть* музыку, выраженную родственной отраслью искусства, и сравнить впечатлѣнія великихъ художниковъ и писателей, одаренныхъ этой способностью.

„Когда я слушаю музыку, — писалъ Мейсонье, — она принимаетъ опредѣленныя очертанія въ моемъ сознаніи и вызываетъ передо мной представленія фигуръ и ландшафтовъ. Когда я, напримѣръ, слушаю симфонію Бетховена A-dur, — мою любимую, — я неизмѣнно вижу греческій ландшафтъ, улыбающійся въ солнечныхъ лучахъ, съ кристальными ручьями, надъ которыми вьются яркія стрекозы, съ веселыми хорами нимфъ, купающихся въ прозрачныхъ струяхъ“.

Однимъ изъ самыхъ впечатлительныхъ любителей музыки былъ Гейне, для котораго, по его словамъ, во время музыки все окружающее исчезало, и передъ его восхищеннымъ взоромъ вставали странныя призрачныя фигуры, таинственныя сны и люди, рожденные мелодіей. Интересно его описаніе игры Паганини.

„Вы знаете, — пишетъ онъ, — мою способность музыкальнаго ясновидѣнія, — способность видѣть при каждомъ тонѣ соответствующій образъ. Поэтому Паганини каждымъ движеніемъ смычка вызывалъ передо мною видимыя фигуры и сцены. Онъ рассказывалъ мнѣ въ мелодичныхъ іероглифахъ разныя сказки и какъ бы заставлялъ какой-то невидимый волшебный фонарь увлекать меня рядомъ цестрыхъ картинъ, гдѣ самъ артистъ оставался все время главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

„При первомъ взмахѣ смычка эстрада и вся концертная обстановка вокругъ него исчезла, и онъ вдругъ оказался стоящимъ около своего пюпитра въ привѣтливой комнатѣ, обставленной съ веселою безпорядочностью стиля Помпадуръ. Повсюду виднѣлись маленькія зеркала, золоченые купидоны, китайскій фарфоръ, гирлянды цвѣтовъ, бѣлыя перчатки, разорванное кружево, искусственный жемчугъ, діадемы изъ золотой фольги и блестокъ — всякая мишура, обычно встрѣчаемая въ комнатѣ примадонны. Внѣшній видъ Паганини также измѣнился, и во всякомъ случаѣ къ лучшему: на немъ были короткіе атласные штаны цвѣта лилій, бѣлый жилетъ, вышитый серебромъ, и фракъ изъ яркаго синяго бархата съ золотыми пуговицами.

„Волосы его были тщательно завиты и обрамляли локонами его лицо, молодое и румяное, все вспыхивавшее трогательной нѣжностью, когда онъ взглядывалъ украдкою на хорошенькую женщину, стоявшую тутъ же около пюпитра“.

Но когда Паганини началъ играть новую пьесу, передъ глазами слушателя все стало мрачнымъ и темнымъ. Звуки не претворялись въ яркіе образы и краски; фигура артиста облеклась въ темныя цвѣта, и изъ-подъ его смычка вырывались стонущіе и рыдающіе звуки. Только изрѣдка, когда небольшая лампа, висѣвшая сверху, бросала свой печальный свѣтъ на играющаго, Гейне могъ разглядѣть мелькомъ его блѣдное лицо, еще не вполне утратившее отпечатокъ молодости. Его нарядъ былъ очень оригиналенъ, двухъ цвѣтовъ: желтый и красный. Тяжелыя цѣпи сковывали его ноги. Позади его мелькало лицо съ выраженіемъ животной похотливости. И Гейне видѣлъ, какъ по временамъ длинныя, волосатыя руки схватывали струны скрипки, на которой игралъ Паганини...

„Тогда изъ скрипки вырвался потокъ раздирающихъ звуковъ, страшный стонъ и вопль, какой быть можетъ, никогда не раздавался и не раздастся на землѣ, — развѣ только въ долинѣ Іосафата, когда прозвучать исполненія трубы и голыя тѣла выползутъ изъ могилъ въ ожиданіи своего приговора... Но изнемогающій скрипачъ вдругъ провелъ смычкомъ по струнамъ, вызвавъ такой дикій, полный отчаянія звукъ, что цѣпи его съ

грохотомъ упали къ ногамъ, и таинственный его помощникъ, вмѣстѣ съ другими безобразными, наглыми фигурами — исчезъ.

„И вновь великій музыкантъ и все окружающее его внезапно измѣнились! Его едва можно было узнать въ коричневомъ монашескомъ платѣ, которое скорѣе скрывало его, нежели одѣвало. Съ злымъ лицомъ, на половину спрятаннымъ въ капюшонъ, опоясанный веревкою, съ босыми ногами стоялъ Паганини съ вызывающимъ видомъ одинъ на скалистомъ утесѣ надъ моремъ и игралъ на своей скрипкѣ. И море становилось все краснѣе и краснѣе, а небо блѣднѣе, пока, наконецъ, kloкочущія волны не стали похожи на ярко-алую кровь, а небо не приняло блѣдную окраску мертвеца. На небѣ высыпали звѣзды, большія и какія-то грозныя. Эти звѣзды были черныя-черныя какъ уголь. Но звуки скрипки становились все болѣе бурными и вызывающими, а глаза страшнаго музыканта сверкали огнемъ такого презрѣнія, такую жаждой разрушенія, его тонкія губы двигались съ такою ужасною поспѣшностью, что, казалось, онъ бормоталъ какія-то древнія заклинанія, чтобы вызвать бурю и освободить злыхъ духовъ, заключенныхъ въ морской пучинѣ.

„И часто, когда онъ вытягивалъ свою длинную худую руку изъ широкаго монашескаго рукава и потрясалъ въ воздухѣ своимъ смычкомъ, онъ казался чародѣемъ, повелѣвающимъ стихіямъ своимъ волшебнымъ жезломъ. Но вдругъ со дна моря раздались дикія стеванія, и ужасныя кровяныя волны стали бросаться вверхъ съ такою яростью, что чуть не забрызгали блѣдное небо и черныя звѣзды своею красною пѣною. Воздухъ наполнился воплями, криками и грохотомъ, словно земля распадалась на части, но монахъ все игралъ съ возрастающей энергіей. Казалось, онъ хотѣлъ силою своей воли разрушить семь печатей, наложенныхъ Соломономъ на желѣзные сосуды, въ которыхъ онъ заключилъ побѣжденных имъ духовъ. Мудрый царь погрузилъ эти сосуды въ море, и Гейне, казалось, слышалъ голоса узниковъ, въ то время, какъ скрипка Паганини гнѣвно рычала на басахъ. Но, наконецъ, послышалась какъ будто радость освобожденія, и изъ красныхъ кровяныхъ волнъ выступили головы заключенныхъ духовъ, легендарныхъ ужасныхъ чудовищъ: крокодиловъ съ крыльями летучей мыши, змѣй съ оленьими рогами, обезьянъ съ раковинами на головахъ, тюленей съ длинными бородами, женщинъ съ грудями вмѣсто щекъ, зеленыхъ верблюдовъ, — все съ уставившимися холодными, хитрыми глазами и длинными когтями, похожими на плавники, которыми они хватились за играющаго монаха. Съ головы его среди его страстныхъ заклинаній упалъ капюшонъ, — и кудри, развѣваемые вѣтромъ, окружили его лицо наподобіе черныхъ змѣй“...

Такъ увлекала великаго поэта игра великаго артиста, увлекала въ

міръ необыкновенныхъ видѣній, создавшихся изъ звуковъ. Чѣмъ впечатлительнѣе душа любящаго музыку, тѣмъ чаще,— хотя и не съ такою волшебною силой,— переходять звуки въ картины! („Н. Вр.“)

Н. П.

VI.

НАВОДНЕНІЕ ВЪ ПАРИЖѢ.

Въ Парижѣ наводненіе: по окраинамъ ѣздить на яликахъ, трамвайное, экипажное и пѣшеходное движеніе прервано. Мэтро, безъ котораго, казалось, нельзя обойтись, почти пересталъ функционировать. Работы по прокладкѣ новыхъ путей прерваны; съ минуты на минуту ждуть, что вода зальетъ подземные туннели и громадныя работы сразу будутъ сведены на нѣтъ. Всѣ усилія направлены къ защитѣ центральной части города; въ случаѣ необходимости будутъ взорваны даже мосты — этимъ способомъ надѣются облегчить движеніе рѣки, загроможденной барками, плотами и массой дерева. Вся рѣка сплошь затянута вѣвмъ, что захвачено въ пути, разрушено и сметено съ твердой почвы.

Сена поднимается. На восемь метровъ вздулась она противъ обычнаго уровня; лишь въ 1615 г., когда вода достигла высоты 10 метровъ, парижане видѣли нѣчто подобное. Залиты подвалы, магазины, амбары, по улицамъ плывутъ шкафы, столы, постели; все это скопляется на перекресткахъ, загромождая тротуаръ и моментально возвышаясь въ непреодолимую плотину.

Населеніе въ паникѣ. Спасаются съ затопленныхъ мѣстъ лишенные крова и находятъ пріютъ въ полицейскихъ участкахъ. Префектъ полиціи Левивъ лично разъѣзжаетъ по „каналамъ“, наблюдая за вѣвмъ, отдавая распоряженія и подавая помощь пострадавшимъ.

Въ первые дни парижане относились къ наводненію, какъ къ невиданному зрѣлищу, интересному и занимательному, но скоро любопытство смѣнилось ужасомъ. Вода поднималась съ математической точностью по сантиметру въ часъ. Напирая на подземныя трубы, она по примѣру М-г Паго тушила свѣтъ и прекращала телефонное сообщеніе.

Кругомъ Парижа дѣло обстояло не лучше. Рѣки выступили изъ береговъ, затопили громадное пространство, разрушили желѣзнодорожное полотно на линіи Парижъ—Орлеанъ и, соединившись съ притокомъ Сены Уазой, разлились цѣлымъ моремъ у южныхъ парижскихъ укрѣпленій. Потѣздъ пересталъ отходить со станціи Орлеанъ; вокзалъ погрузился въ темноту. Наступилъ второй моментъ наводненія.

Въ самомъ Парижѣ между тѣмъ вода продолжала свою разрушительную работу. Подобравшись къ „Jardin de Plante“, она затопила помѣщенія, отведенныя хищнымъ животнымъ, наполнила медвѣжки пещеры, разрушила паровое отопленіе и, медленно двигаясь, превратила садъ въ большое озеро. Экстренно принятыя мѣры ни къ чему не привели: вѣроятно, звѣри погибнуть. Пока спасали животныхъ, гибли люди. Вода неслась по нѣкоторымъ улицамъ столь стремительно, что тѣ, кто въ нее попадалъ, уносились въ водоворотѣ. Янки сновали взадъ и впередъ, вытаскивая утопающихъ и перевоза жителей въ болѣе безопасныя мѣста.

Площадь Инвалидовъ залита. Вода, поднимаясь съ каждымъ часомъ, незаметно подобралась къ зданію парламента, проникла въ подвалы и погрузила залъ засѣданія во мракъ. Динамо-машина залита. Внесли масляныя лампы, и при тускломъ свѣтѣ депутаты продолжали свою работу. По послѣднимъ свѣдѣніямъ вода достигаетъ такой вышины въ Бурбонскомъ дворцѣ, что есть надежда на прекращеніе засѣданій. Не можетъ же палата засѣдать по колѣни въ водѣ.

Бульвары мрачны. Газъ повсюду потухъ, магазины, плохо освѣщенные свѣчами и лампами, бросаютъ тусклый свѣтъ свопхъ многочисленныхъ оконъ на мокрый тротуаръ. Льетъ дождь, вѣтеръ несетъ съ моря, — холодно, зловѣще.

Газеты, выходящія правильно, распространяютъ панику: „Только что взорванъ Альмскій мостъ; вода залила Мэтро; дома разрушаются подъ напоромъ стихій“. И такъ настроеніе подавленное, а тревожные слухи даютъ увѣренность въ неминуемой катастрофѣ.

Эйфелева башня непоколебимо стоитъ въ водѣ. Массы народа толпятся на площадкахъ башни, рассматривая въ бинокль движеніе Сены. Какъ на ладони виденъ Парижъ, по мановенію волшебнаго жезла превращенный въ Венецію. Вода крутится, стремится все выше и выше, грозитъ и пугаетъ небывалыми бѣдствіями.

„Парижъ подъ водой“. Жизнь замерла, всѣ только и говорятъ и думаютъ о наводненіи. Театры пустыютъ: всѣ сидятъ дома, ожидая съ минуты на минуту появленія страшной гостьи.

Скоро ли пойдетъ вода на убыль, никто не знаетъ. По всей Франціи водная стихія вышла изъ повиновенія; телеграфъ приносить со всѣхъ концовъ извѣстія о новыхъ бѣдствіяхъ, о новыхъ пораженіяхъ. Кажется, что еще одно ушлие, и все будетъ залито, снесено, уничтожено. Парижъ — веселый Парижъ — замолкъ. Слышится лишь шумъ воды да свистъ вѣтра. („Н. Вр.“)

VII.

По поводу французскаго бѣдствія.

6-го января въ французской палатѣ депутатовъ начались пренія о свѣтской школѣ, изъ которой французскіе невѣры-масоны изгнали Бога. Первый министръ Брианшъ и министръ народнаго просвѣщенія изрыгали богохульства въ отвѣтъ на запросы католическихъ депутатовъ. И въ тотъ же самый день Гавръ и Парижъ были опустошены страшнымъ наводненіемъ. Какъ извѣстно, разрушены многіе дома, провалились мосты, повреждены телеграфные и телефонные провода, убытковъ причинено не менѣе чѣмъ на милліардъ, иначе говоря — убытки были такіе же, какъ во время самой кровопролитной войны.

Случайность это или что-нибудь другое?

Интересно отмѣтить подробности упомянутаго выше засѣданія французскаго парламента.

Главаря правыхъ партій въ засѣданіи 6-го января во время преній по школьному вопросу выступили съ замѣчательными рѣчами въ защиту Церкви и религіи.

Смѣлыя и сильныя рѣчи депутатовъ Груссо и Варреса вызвали восхищеніе даже въ масонской печати.

Груссо, очень талантливый ораторъ, съ большимъ воодушевленіемъ говорилъ:

— Я не буду говорить о томъ, какъ несправедливо поступили съ церковью. Это слишкомъ общезвѣстно. Вопросъ о свѣтской школѣ и религіозномъ воспитаніи не менѣе важенъ. Я считаю его болѣе важнымъ, чѣмъ отдѣленіе церкви отъ государства. Идетъ вопросъ объ естественномъ правѣ родителей, и учителя могутъ быть только его исполнителями. Когда отецъ семейства желаетъ, чтобы сынъ его получилъ христіанское воспитаніе, онъ пользуется своимъ правомъ, исполняетъ свою обязанность. И никто не можетъ ставить въ упрекъ епископамъ, что они рѣшились напомнить родителямъ объ ихъ правѣ и долгѣ. Между тѣмъ родители во Франціи не могутъ пользоваться этимъ правомъ, такъ какъ свѣтская школа присвоила себѣ монополію воспитанія. Родители обязаны воспитывать дѣтей, сформировывая ихъ умъ, сердце, совѣсть, волю. Они отвѣчаютъ за дѣтей передъ Богомъ и передъ людьми, и поэтому имъ принадлежитъ право выбирать людей, которымъ они могутъ довѣрять. Уничтоживъ религію въ школахъ, правительство не оставило ихъ въ покоѣ. Начались гоненія на религію. Когда священники запротестовали, ихъ лишили содер-

жана. Чтобы доказать, что это не звукъ пустой, напомнимъ, что слово „Богъ“ исключается изъ всѣхъ учебниковъ.

— Это неправда, — протестовалъ докладчикъ школьной комиссія (Тигъ).

— Я докажу. Въ грамматикѣ Ларива и Флери въ диктовкѣ въ прежнемъ изданіи была фраза: „Богъ великъ“. Въ новомъ изданіи слово „Богъ“ замѣнено словомъ „Парижъ“: „Парижъ великъ“. Въ сборникѣ басенъ Лафонтена вмѣсто: „Маленькая рыбка станетъ большою, если Богъ даруетъ ей жизнь“ — „если ей оставить жизнь“. Такихъ примѣровъ можно привести безчисленное множество. Это низко, и я не ошибусь, если скажу, что Брианъ (первый министръ) желаетъ исключить Францію изъ числа христіанскихъ державъ.

При этихъ словахъ, какъ передаютъ газеты, Брианъ испуганно вскочилъ со своего мѣста и виѣ себя отъ ужаса закричалъ:

— На чемъ основано ваше обвиненіе?

— На вашихъ словахъ, господинъ председатель совѣта министровъ. Въ Анверѣ 3 года тому назадъ на конгрессѣ „учебной лиги“ вы, будучи въ то время министромъ народнаго просвѣщенія, заявили: „Я скоро освобожу страну отъ этой лжи исповѣди“.

Брианъ виѣ себя отъ смущенія.

— Объяснися, — говоритъ онъ католическому депутату. — Какъ вы можете говорить о томъ, что я хочу исключить Францію изъ числа христіанскихъ странъ? Это несправедливо!

Въ палатѣ паритъ неописанное волненіе. Масоны мечутся во всѣ стороны, крича:

— Ложь! Ложь!

Но всѣ понимаютъ, что католическіе депутаты говорятъ одну лишь страшную и яркую правду. И всѣхъ охватываетъ ужасъ...

На трибуну входитъ Баррессъ, одинъ изъ лучшихъ ораторовъ Франціи.

Въ великолѣпной рѣчи Баррессъ напоминаетъ о всѣхъ обстоятельствахъ школьной борьбы во Франціи.

— Учителя Франціи, — говоритъ онъ, — сбиты съ толку и не знаютъ чего держаться, какъ и чему учить. Родители требуютъ, чтобы въ школѣ царилъ Богъ, а масоны хотятъ привить зло. Родители въ ужасѣ видятъ, что изъ ихъ дѣтей школа воспитываетъ негодяевъ, безбожниковъ, преступниковъ. Неужели вы думаете, — громовымъ голосомъ кричитъ Баррессъ, — что французскіе умы примянутся съ этой ложью? Пришло время, и общество возстало въ защиту истины и поправаго права. Богъ, совѣсть, честь, завѣты Христа непобѣдимы! Франція очнулась, — говоритъ Баррессъ, — и скоро она мощной рукой встряхнетъ масоно-еврейскій кошмаръ, обволакивающій страну!

Въ палатѣ депутатовъ страшный переполохъ. Депутаты-масоны рвутся на трибуну, но должны уступить свое мѣсто министру народнаго просвѣщенія Дюмерлу.

— Отцы семействъ не по своей иниціативѣ возстали противъ свѣтской школы, — говоритъ онъ, — къ этому ихъ побуждаетъ церковь, которой не нравятся современные учебники. Послушайте, что говорятъ объ учебникахъ въ Нижней Луарѣ. „Говорятъ, что въ учебникахъ нѣтъ ничего дурного. Но это говорятъ лишь масоны. А все епископы Франціи осудили эти учебники. Значить, они дурны“.

Изъ словъ министра ясно видно, что, несмотря на все масонскія интриги, французскій народъ любитъ свое духовенство и вѣритъ ему.

И вотъ, когда происходили эти горячія пренія, когда французскіе министры и депутаты доказывали, что школа можетъ быть безъ Бога, безъ вѣры, и только немногіе голоса раздались въ защиту вѣковѣчныхъ истинъ, вотъ въ это время и было получено извѣстіе о начавшемся страшномъ наводненіи. („Р. Чт.“)

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:
Врачъ К. М. Поповъ.
ОЧЕРКИ ДУШЕВНОЙ ГИГИЕНЫ.

Выпускъ 1-й. Религія. Цѣна 65 к. съ пересылкой.

(Марокъ не присылать).

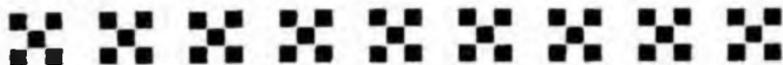
Адресъ: Новочеркасскъ, Ермаковскій проспектъ, № 15-а.

КРАСНЫЯ СЛОВА.

(Полезная памятка.)

1. Не только дѣла, но и помышленія должны быть чистыми. *(Демокритъ.)*
2. Живущихъ съ тобою въ мирѣ да будетъ много, а совѣтникомъ твоимъ одинъ изъ тысячи. *(Ис. сынъ Сирах.)*
3. Не будь навязчивъ, чтобы не оттолкнули тебя, и не слишкомъ удаляйся, чтобы не забыли тебя. *(Ис. сынъ Сирах.)*
4. Не наложивъ на себя цѣпей долга, человекъ не можетъ дойти до конца своего поприща не падая. А въ молодости мы думаемъ: чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ дальше уйдешь. *(Тургеневъ.)*
5. Дѣло не въ количествѣ знаній, а въ глубинѣ мышленія. *(Демокритъ.)*
6. Доброе имя лучше большого богатства. *(Соломонъ.)*
7. Можно дать совѣтъ, но нельзя дать умѣнія имъ воспользоваться. *(Ларошфуко.)*
8. Дружба не можетъ держаться, если друзья не будутъ извинять другъ другу, небольшіе недостатки. То же и въ бракѣ. *(Лабрюеръ.)*
ѣха. (Талмудъ).
10. Нельзя требовать повиновенія и уваженія отъ дѣтей, если они видѣли, что вы не оказывали этого своимъ родителямъ. *(Кит. мудр.)*
11. Жена или мужъ могутъ спорить и указывать другъ другу на недостатки, но не въ присутствіи дѣтей. *(Инд. мудр.)*
12. Выходя въ путь—надо ждать и дождя. Вступая въ бракъ — надо приготовиться къ горю и страданіямъ. Солнце сияетъ не каждый день, и радости непрерывны. *(Кит. мудр.)*

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Изъ объясненія, приложеннаго къ янв. №-ру (красн. листоч.), подписчики знаютъ о сюрпризѣ, устроенномъ намъ типографіей. Желая избѣжать непріятности въ будущемъ, мы перенесли печатаніе журнала въ одну изъ лучшихъ большихъ московскихъ типографій (В. М. Саблина). Но первые три листа февр. книги напечатаны еще въ прежней типографіи; оговариваемъ это, чтобы подписчики поняли причину нѣкоторой разницы между первыми и дальнѣйшими листами. Мы примирились съ этимъ, чтобы перепечаткою 3 хъ листовъ не задержать надолго выхода №-ра. Съ март. книги все входитъ въ свою колею, и, обезпеченные аккуратнымъ выполненіемъ типографской работы, мы получаемъ возможность установить правильное веденіе постоянныхъ отдѣловъ.

Замѣченныя опечатки.

Въ янв. книгѣ:

НАПЕЧАТАНО:

СЛѢДУЕТЪ:

на стр. 67, строка 1-я въ стихотв.: Нѣтъ я не забылъ...

Нѣтъ, я не позабылъ...

„ стр. 85, строк. 4 и 46 (P=K.S.V²)

(R=K.S.V²)

„ этой же стр., строч. 31: „стрепнаде“

„empenpage“

Въ феврал. книгѣ:

на стр. 76, подъ статьей: В. Недзведскій

В. Недзвецкій

„ стр. 113, 4 стр. снизу: P=KSV²,

R=KSV²,

„ стр. 116, послѣди. стр. снизу: P=KSV²

R=KSV²,

„ стр. 127, въ выноска: Глава 2-я

Глава 1-я

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

(Отвѣты Редакціи и Конторы.)

А. Н. Догановичъ благодаритъ всѣхъ, приславшихъ ей приветственные письма по случаю исполнившагося 30-лѣтія ея литературной дѣятельности.

Тобольскъ. Знаменской для Вас—ой. Стихи непригодны. Пусть авторъ работаетъ, совершенствуясь въ формѣ.

Троицкій Посадъ. Лавра—Черешневу. Статья „Осада“ опоздала присылкой.

Вятка. Н. П. Нив—ой. Большая часть вашихъ статей пойдетъ. Редакція задерживала ихъ, ожидая просимаго у васъ вашего портрета.

Просимъ Редакціи, не приславшія намъ доказательныхъ №№ съ нашими объявленіями, прислать ихъ.

Секретарь Редакціи М. Орѣшникова.

Редакторъ-издатель А. В. Кругловъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: Свѣточа и Дневника Писателя.

СОДЕРЖАНІЕ

Янв. книги — 1910 г.

„Душеполезнаго Чтенія“.

- I. ОБРАЗЪ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ „МИЛОСЕРДІЕ“. Съ приложеніемъ рисунка. **Ан. Титова.**
- II. ЛИЧНОСТЬ И ПРОПОВѢДЬ ЮАННА КРЕСТИТЕЛЯ. Свящ. **М. Фивейскаго.**
- III. О ЖЕНСКОМЪ ОБРАЗОВАНІИ. Протопресвитера Московскаго Успенскаго собора **В. С. Маркова.**
- IV. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инока). **А. I.**
- V. ПУТЕШЕСТВІЕ ВО СВЯТЫЙ ГРАДЪ ІЕРУСАЛИМЪ, СЕЛА ЛЕЖНЕВА, ДѢВІЦЫ АННЫ АЛЕКСѢВНЫ И ВДОВЫ ПРАСКОВЫИ СТЕПАНОВНЫ ВЪ 1819 ГОДУ. Сообщилъ **Ан. Титовъ.** (13 рисунковъ въ текстѣ).
- VI. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ ХРИСТІАНСТВУ. Свящ. **М. Ф—скаго.**
- VII. ПОХВАЛА СКОРБЯМЪ. (Стихотвор.). **В. К. Недзвецкаго.**
- VIII. ВЕРНИСЬ КЪ СЕБѢ! (Стихотвореніе.) Его же.
- IX. НАКАНУНѢ. (Стихотвореніе.) Его же.
- X. НА ПУТИ ТРУДА И ОБРАТНО. **А. Красева.**
- XI. РОЖДЕСТВО У НѢМЦЕВЪ. (Эскизы изъ заграничной жизни.) **Петра Нечаева.**
- XII. СВЯТЫНИ И ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНОСТИ КИРИЛЛОВЪЛОЗЕРСКАГО (УСПЕНСКАГО) МУЖСКОГО ПЕРВОКЛАССНАГО МОНАСТЫРЯ НОВОГОРОДСКОЙ ЕПАРХІИ. **Иеромонаха Антонія.**
- XIII. БОГОСТРОИТЕЛИ И БОГОВОРЦЫ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. Свящ. **Н. Колосова.**
- XIV. ПИСЬМА ЕПИСКОПА ФЕОФАНА КЪ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ ПРОТОІЕРЮ **В. П. ПЕЧАВУ** (ВПОСЛѢДСТВІИ ЕПИСКОПУ ВІССАРІОНУ) 1872—1892 г.
- XV. СЕМЕЙНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ ПРОТОІЕРЕЯ АЛЕКСѢЯ ИВАНОВИЧА ЛЕБЕДЕВА. Сообщила **Е. А. Л.**
- XVI. БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ. (Философскій діалогъ.) **С. Г...ова.**
- XVII. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Наши духовныя академіи. (По поводу юбилея С.-Петербург. Духовной Академіи.) Свящ. **М. Ф—каго.** ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ НА 1910 ГОДЪ ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ЖИЗНЬ ВОЛЫНИ“

ВТОРОЙ ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

Съ 1-го января 1910 года „Жизнь Волыни“ будетъ выходить въ **большомъ форматѣ**, при чемъ подписная цѣна на газету остается **прежняя**.

Съ увеличеніемъ формата газеты редакціи представится возможность расширить и значительно дополнить программу газеты, которая съ будущаго года будетъ заключать въ себѣ всѣ отдѣлы большихъ газетъ.

Въ предстоящемъ году въ газетѣ попрежнему будутъ печататься статьи: Н. В. БЕРЕЗОВСКАГО (членъ Гос. Думы), А. И. ЕЛИШЕВА (сотрудника „Московск. Вѣд.“ и „Россіи“), Н. Д. ОБЛЕУХОВА (ред. „Свѣта“), П. М. ПОРТУГАЛЮВА (сотрудн. многихъ столичныхъ и провинціальныхъ изданій), П. И. ЕМЕЛЬЯНОВА (сотрудника „Москов. Вѣд.“), академика Л. И. СОБОЛЕВСКАГО, А. И. ТАРНАВСКАГО, Б. М. ЮЗЕФОВИЧА и другихъ извѣстныхъ публицистовъ.

Кромѣ того въ „Жизни Волыни“ найдутъ мѣсто всѣ наиболѣе выдающіяся статьи, которыя появятся на страницахъ большихъ и дорогихъ столичныхъ газетъ и журналовъ.

Текущій № газеты для ознакомленія высылается **БЕЗПЛАТНО**.

Подписная цѣна остается прежняя, безъ доставки: на 1 годъ—4 р. 80 к. и помѣсячно—40 к., съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ—6 руб. и помѣсячно—50 коп. За перемѣну адреса 20 коп.

Адресъ редакціи и конторы: **г. Житомиръ, Б. Бердичевская улица, Архіерейскій домъ.**

Издатель **А. М. КРАСИЛЬНИКОВЪ.**

Редакторъ **М. А. НЕТРОВИЧЪ.**

„Воскресное Чтеніе“.

Редакція журнала „Воскресное Чтеніе“ въ 1910 (74-мъ отъ основанія) году за **четыре** руб. дастъ своимъ подписчикамъ:

1) 52 номера журнала разнообразнаго духовно-назидательнаго и общепользнаго содержанія, преимущественно въ духѣ тревоженій современной жизни. Сюда прежде всего будутъ входить поученія на всѣ воскресные и праздничные дни года. Поученія будутъ назидательны по содержанию, просты по изложенію и по возможности кратки. Номера съ поученіями будутъ разсылаемы за мѣсяцъ до срока, на который назначаются поученія.

2) Въ видѣ безплатнаго Приложенія къ журналу на 1910 годъ дана будетъ книга „**Годовой кругъ воскресныхъ бесѣдъ**“— бесѣды на всѣ воскресные дни года, но объему своему (отъ 8 до 10 стр. и болѣе каждая) пригодныя особенно для вѣббогослужебн. чтеній, а по содержанию для всякаго времени и мѣста. Бесѣды составлены на основаніи евангельскихъ воскр. чтеній и болышею частью оживлены назидат. разказами. Объемъ всей этой книги около 500 стр. Бесѣды начинаются со дня Пасхи и книга будетъ разослана въ февраль.

3) Попрежнему будутъ издаваться **Поучительные листки** на дни праздничные и на разныя общезнайд. темы не менѣе 20-ти.

4) **Только** подписчикамъ своимъ Редакція предоставляетъ выписывать у нея **по уменьшенной цѣнѣ** (по 30 к. вм. 75) слѣдующія книги: „Сборникъ назид. статей для вѣббогослуж. чтеній“, „Вѣббогослуж. чтенія на праздники Господни, Богородичны и В. Святыхъ“, „Бесѣды о важнѣйшихъ истинахъ христ. нрав. церкви противъ сектантовъ-штундистовъ“, „Поучит. разказы изъ жизни простого народа“, а также и **„Воскр. Чтеніе“** прежнихъ годовъ въ сброшюр. видѣ по 75 к. за каждый годъ вмѣсто 2 р., начиная съ 1884 по 1908 г., за исключеніемъ 1886, 87, 96, 902 и 903 годовъ.

Цѣна журнала 4 р. съ прилож. и перес. Адресъ: Кіевъ, въ Редакцію „**Воскр. Чтенія**“ (Подоль, Почаев. ул., 4).

Редакторъ-Издатель *Прот. Іоаннь Богородицкій.*

„РУССКІЙ СЪВЕРЬ“

Ежедневная газета. Продолжается подписка. Издается въ г. Вологдѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	4 р. 80 к.		На 6 мѣс.	2 р. 90 к.
„ 11 мѣс.	4 „ 50 „		„ 5 „	2 „ 50 „
„ 10 „	4 „ 20 „		„ 4 „	2 „ — „
„ 9 „	3 „ 90 „		„ 3 „	1 „ 50 „
„ 8 „	3 „ 60 „		„ 2 „	1 „ — „
„ 7 „	3 „ 30 „		„ 1 „	— „ 60 „

Подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣсяца. Адресъ: г. Вологда, Б. Обуховская, д. Скородумова. Редакторъ-издательница **М. Н. Барачъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1910 годъ
на ежедневную газету

ГОЛОСЪ СИБИРИ.

(г. Омскъ, Акмолинской области).

Въ интересахъ широкой доступности назначается самая скромная подписная цѣна. На годъ городскимъ жителямъ съ доставкой — 4 руб., на $\frac{1}{2}$ года — 2 руб., на 3 мѣс. — 1 руб., на 1 мѣс. — 35 коп. Иногороднымъ съ пересылкой по почтѣ на годъ — 4 р. 50 к., на $\frac{1}{2}$ года — 2 р. 25 к., на 3 мѣс. — 1 р. 15 к., на 1 мѣс. — 40 коп. Въ отдѣльной продажѣ номеръ 3 коп. Подписка принимается отъ городскихъ въ типографіи Демидовой (Тобольская ул.).

Отъ иногороднихъ — въ конторѣ редакціи г. Омскъ, Главноуправленская улица, домъ № 6. Рекламы торговыхъ фирмъ будутъ таксироваться по пониженной цѣнѣ и взаимному соглашенію, объявленія за строку на первой страницѣ — 10 коп., на послѣдней — 5 коп.

ОБЪ ИЗДАНИИ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНАГО ЖУРНАЛА въ 1910 году.

Издание Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ „Почтово-телеграфный Журналъ“ имѣетъ два отдѣла: официальный, который выходитъ еженедѣльно, неофициальный — разъ въ мѣсяцъ. Въ программу официальной части журнала входятъ всѣ правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся почтово-телеграфнаго вѣдомства, и затѣмъ свѣдѣнія: о развитіи телеграфной и телефонной сѣтей; объ открытіи новыхъ почтовыхъ, телеграфныхъ и почтово-телеграфныхъ учреждений, о дополненіяхъ и измѣненіяхъ въ тарифахъ внутренней и международной корреспонденціи и въ почтовомъ дорожничѣ; о почтово-телеграфныхъ сберегательныхъ кассахъ: статистическія свѣдѣнія, инструкціи, отчеты и проч. Неофициальный отдѣлъ состоитъ изъ оригинальныхъ, компилятивныхъ и переводныхъ статей: 1) научнаго, историческаго и техническаго содержанія по телеграфіи, телефоніи, электрическому освѣщенію, тягѣ и вообще по электротехникѣ, а также и почтовой части; 2) юридическихъ: по разработкѣ русскихъ почтовыхъ, телеграфныхъ и телефонныхъ законодательствъ; 3) статистическихъ; 4) біографическихъ — о знаменитыхъ дѣятеляхъ, посвятившихъ себя почтовому, телеграфному и телефонному дѣлу; 5) библиографія; 6) свѣдѣнія о привилегіяхъ, и 7) объявленія. Цѣна Почтово-Телеграфнаго Журнала безъ доставки пять руб., за доставку по городской и пересылку по иногородной почтамъ 85 коп. Пересылка за границу два рубля. Отдѣльными номерами журналъ не продается. Подписка принимается только на годъ и исключительно въ главномъ Управленіи почтъ и телеграфовъ, ежедневно за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, съ 11 до 5 часовъ пополудни. Деньги за журналъ и за объявленія надлежитъ доставлять или присылать по почтѣ въ Экзекуторскую часть Главнаго Управленія почтъ и телеграфовъ (С.-Петербургъ, Почтамская, 7). Гг. иногородніе подписчики приглашаются сообщать при своихъ требованіяхъ точные адреса. Въ случаѣ недоставленія номеровъ Журнала заявленія объ этомъ должны быть przeprowadяемы въ Редакцію Почтово-Телеграфнаго Журнала.

„ГОЛОСЪ“

ежедневная общественная-политическая газета. 2-ой ГОДЪ ИЗДАНИЯ. Открыта подписка на 1910 годъ, издаваемая въ Ярославлѣ **Н. П. Дружининымъ** и **К. Ф. Некрасовымъ**.

Въ 1910 году „Голосъ“ будетъ выходить по прежней программѣ. Газета имѣетъ областной характеръ и главное вниманіе удѣляетъ разработкѣ вопросовъ мѣстной жизни. Имѣются корреспонденты въ губерніяхъ: Ярославской, Архангельской, Владимірской, Вологодской, Костромской, Новгородской, Олонецкой и Тверской, а также въ столицахъ. Сѣтъ корреспондентовъ постоянно пополняется и расширяется.

Кромѣ мѣстныхъ силъ, сотрудниками „Голоса“ состоятъ: Н. Абрамовичъ, В. В. Бруснянъ, Н. М. Васплевскій (Не—буковка), Вергужскій, П. В. Герасимовъ (чл. Гос. Думы), В. Гофманъ, Осипъ Дымовъ, Изгоевъ, Анатолій Каменскій, Н. Олигеръ, О. Л. Доръ, Вл. Поссе, Александръ Рославль, А. И. Свирикскій, В. Тотоміанецъ, Дм. Цевзоръ, кн. Д. И. Шаховской и другіе.

Въ дополненіе къ „Голосу“ подписчикамъ будетъ разсылаться бесплатное приложеніе — **„ЯРОСЛАВСКІЯ ЗАРНИЦЫ“**. еженедѣльный иллюстрированный журналъ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на „Голосъ“ съ приложеніемъ „Ярославскихъ Зарницъ“ остается та же, а именно: на годъ—8 р.; на полгода—4 р. 50 к.; на 3 мѣсяца—2 р. 40 к.; на 1 мѣс.—85 к. Отдѣльно отъ „Голоса“ подписка на „Ярославскія Зарницы“ не принимается.

Адресъ редакціи и конторы: Ярославль, Срубная ул., д. Дьяконова.

„КУРСКАЯ БЫЛЬ“

ежедневная политическая, литературная и общественная газета. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 г.

Вступая въ 5-й годъ изданія, „Курская Быль“ попрежнему будетъ вѣрой и правдой служить Православной Церкви, Самодержавному Государю и родному русскому народу.

Въ 1910 году редакція приметъ мѣры къ самой широкой постановкѣ мѣстныхъ отдѣловъ. Особенное вниманіе редакція обратила на жизнь уѣздовъ. Въ случаѣ какихъ-нибудь значительныхъ событій въ уѣзды будутъ командироваться специальные корреспонденты. Составъ сотрудниковъ увеличенъ. Не мѣяе одного раза въ недѣлю № выпускается въ 6 страницъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 5 р. 40 к., 11 мѣс.—5 р. 10 к., 10 мѣс.—4 р. 80 к., 9 мѣс.—4 р. 50 к., 8 мѣс.—4 р. 10 к., 7 мѣс.—3 р. 70 к., 6 мѣс.—3 р. 30 к., 5 мѣс.—2 р. 80 к., 4 мѣс.—2 р. 30 к., 3 мѣс.—1 р. 80 к., 2 мѣс.—1 р. 20 к. и 1 мѣс.—60 к.

Редакторъ-Издатель С. С. Кононенко.

„ОКЕАНСКИЙ ВѢСТНИКЪ“

ежедневная политическая, экономическая, общественная и литературная газета. Открыта подписка на 1910 г.

Выходитъ въ гор. Владивостокѣ, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Газета будетъ вѣрна тому видпартійно-прогрессивному направленію, которое намѣтила себѣ при своемъ возникновеніи. Къ участию въ газетѣ приглашено большинство мѣстныхъ лучшихъ работниковъ. Кромѣ того газета имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ, во всѣхъ большихъ городахъ Сибири и въ болѣе или менѣе значительныхъ пунктахъ Приморской Области.

Независимо отъ этого открываетъ свои столбцы для всякаго желающаго высказаться по какому-либо вопросу, имѣющему общественный интересъ.

Подписная цѣна съ пересылкой: на 1 годъ—8 руб., $\frac{1}{2}$ года—5 руб., 3 мѣс.—3 руб. и 1 мѣс.—1 руб. 25 коп.

Объявленія принимаются: впереди текста 20 к. строка петита. Позади текста 10 к. строка петита. Иногородняя подписка принимается только съ 1 числа каждаго мѣсяца. За перемѣну адреса 30 коп.

Редакторъ-Издагелъ К. А. Недзѣльскій.

ВРАЧЬ-ГОМЕОПАТЬ

Популярный журналъ будетъ издаваться въ 1910 г. провизоромъ Б. В. Борелемъ

при участіи петербургскихъ и иногороднихъ врачей и не-врачей-гомеопатовъ, подъ редакцію Д-ра А. Ф. Флемминга.

ЦѢЛЬ ЖУРНАЛА:

1) Распространеніе между врачами-аллопатами и въ публикѣ вѣрныхъ понятій о гомеопатіи, какъ о новомъ врачебномъ искусствѣ. 2) Содѣйствіе развитію гомеопатическаго лѣченія среди русской публики. 3) Ознакомленіе публики съ современнымъ положеніемъ гомеопатіи въ Европѣ и Америкѣ. 4) Защита гомеопатіи въ борьбѣ съ господствующей школою въ медицинѣ и, наконецъ. 5) Содѣйствіе развитію гомеопатической прессы.

Журналъ будетъ выходить въ 1910 году ежемѣсячно книжками въ объемѣ отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 печатныхъ листовъ или каждые 2 мѣсяца въ объемѣ отъ 4 до 5 листовъ.

Подписная цѣна журнала **3 рубля** въ годъ съ пересылкой.

С.-Петербургъ, по Гороховой, д. № 17.

Открыта подписка на 1910 годъ (XVII г. изд.) на

Нужды Деревни

Под редакцией
А. П. Мертваго.

независимый,
прогрессивный,
безпартийный,
ежегодный
сельскохозяйственный
журналъ

(ХОЗЯИНЫ)

«Нужды Деревни», ставя своею цѣлю будить и направлять сел.-хоз. мысль, стремятся въ то же время дать материалъ для чтенія исключительно оригинальный; «Нужды Деревни» охотно платятъ поэтому наивысшій для сел.-хоз. журн. гонораръ, лишь бы обезпечить качество материала, не прибѣгая къ перепечаткамъ.

НА ГОДЪ
безъ пересылки

КРОМЪ обычныхъ для с.-хоз. журналовъ статей

НА ГОДЪ

3 р.

по всѣмъ отраслям сел. хозяйства, въ журналѣ помѣщаются ЕЩЕ: **передовыя** статьи, статьи по **общественнымъ** вопр., **хроника** обществ. жизни и **кооперации** въ деревнѣ, **фельетонъ** на темы деревенской жизни, и, какъ у всѣхъ, **отвѣты на вопросы** (безпл.), при чемъ для этого одного отдѣла приглашено свыше 30 лицъ, профессоровъ, агрономовъ, техниковъ, др. специалистовъ, сельскихъ хозяевъ, а для юридическихъ отвѣтовъ — цѣлая группа юристовъ.

съ пересылкой

4 р.

За 16 лѣтъ въ журн. участвовали почти ВСѢ извѣстные с.-хоз. писатели.

НОВЫЕ
подписчики

ЗА ОДИНЪ РУБЛЬ

могутъ
теперь же
получить

15 КНИЖЕКЪ

„Библиотека Хозяина.“
НА ВЫБОРЪ

изъ 30 слѣдующихъ: 1) Кормленіе животныхъ. Основы кормленія и расчеты кормовъ. Маг. вет. В. Михайловъ. 2) Откормъ свиномъ. В. Михайловъ. 3) Культурная мясная овца. А. Португаловъ. 4) Разведение гусей и утокъ. И. Абошиль. 5) интересы деревни и крестьянскія партіи. В. Анзимировъ. 6) Сколько въ Россіи земли и какъ мы ею пользуемся? С. Прокоповичъ и А. Мертваго. 7) Какъ устраивать сел.-хоз. общество. А. Кулыжный. 8) Какъ вести дѣла кредитнаго товарищества. А. Кулыжный. 9) Сколько нужно земли хозяину, чтобы съ выгодой работать. В. Винеръ. 10) Какъ использовать пустоши. А. Мертваго. 11) Заправка и удобрение почвы. Проф. Т. Локоть. 12) Для чего надо сѣять бобовыя растенія? В. Винеръ. 13) Какъ улучшить лесчаную почву. Проф. М. Богдановъ. 14) Раздѣла лѣса подъ пахоту. А. Отрыганьевъ. 15) Какъ хозяйствовать въ лѣсу. И. Сладковскій. 16) Навозъ и искусственные удобрения. В. Винеръ. 17) Известь и мергель, для удобрения почвы. В. Харченко. 18) Какъ устраивать полевые опыты. Проф. Т. Локоть. 19) Уборка постныхъ луговъ. И. Сладковскій. 20) Силосованіе кормовъ. И. Сладковскій. 21) Устройство пчельника. М. Дерновъ. 22) Какъ сушить хлѣбъ. Проф. В. Горьячкинъ. 23) Что даетъ машина хозяину. В. Винеръ. 24) Какіе бываютъ плуги. Проф. В. Горьячкинъ. 25) Какъ нарастаетъ дерево. И. Сладковскій. 26) Сохраненіе и заготовка рыбы и я продуктовъ. Н. Бородинъ. 27) Какъ надо строить амбаръ. И. Сладковскій, подъ ред. проф. гражд. инж. кн. Кугушева. 28) Перепрививка плодовыхъ деревьевъ. М. Рытовъ. 29) Посадка плодовыхъ деревьевъ. А. Гребницкій. 30) Культура земляники и клубники. А. Мальта.

Подписная цѣна: на годъ безъ перес. 3 р., съ перес. 4 р., на полгода 2 р. 25 к.

Нумера для ознакомленія бесплатно.

Подписавшіеся въ ноябрѣ и декабрѣ получ. журн. до 1 янв. бесплатно.

Адресъ конторы и редакціи: Москва, Воронухина гора, 24.

ВОЗЗВАНІЕ.

Братья Христиане!

Помогите намъ выстроить въ деревнѣ Телешевѣ, лежащей на границѣ Клинского и Волоколамскаго уѣздовъ, каменный храмъ. У насъ не было никакого храма. И вотъ въ мокрое лѣто, осень и весну наша деревня, расположенная въ 12 верстахъ отъ своего приходскаго храма и примѣрно на 7—10 верстѣ отъ другихъ сельскихъ приходовъ, прекращаетъ сплошь и рядомъ на долгое время всякое общеніе съ сосѣдями. Бывали случаи, что покойники лежали безъ погребенія по 7—9 дней.

Сколько горя испытываютъ отъ этого крестьяне! Пойметъ это только тотъ, кто знаетъ деревенскую жизнь. Въ храмѣ мужичекъ только и видятъ, и знаютъ, и надѣются получить невидимую помощь въ своихъ бѣдахъ и напастяхъ. Поэтому то мы и храмъ строимъ во имя **Царицы Небесной Всѣхъ Скорбящихъ Радости.**

Мы принимаемся за это Божье дѣло безъ средствъ. У насъ нѣтъ ни иконъ, ни колоколовъ, ни утвари, ни матеріала для постройки.

Надѣмся мы на Бога, да на добрыхъ людей.

Помогите намъ! Мы поистинѣ плаваемъ въ житейскомъ морѣ безъ корабля. Море же бурно, ибо много теперь ученій и такихъ, которыя даже не призываютъ храмовъ Божіихъ. Потонемъ мы безъ нихъ въ пучинѣ моря! Спасите насъ!

Помните: больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положить за други своя, сказалъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ (Іоан. XV, 13).

Пожертвованія можно адресовать: МОСКВА, Тверская, домъ Саввинскаго подворья, Духовнику Іеромонаху о. КЛАВДІЮ.

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

1) Въ родномъ гнѣздѣ. Изъ семейной хроники. *Анны Догановичъ*. Съ рис. *С. В. Беклемешева*. Изд. В. С. Спиридонова. Ц. 75 к. въ папкѣ—90 к.

2) Дѣтямъ. Стихотворенія *А. В. Круглова*. 3-е изд. А. Ф. Девриена. Съ факсимиле и портретомъ автора. Съ рис. *А. И. Гандаурова*. Ц. 1 р. 20 к.; въ папкѣ—1 р. 50 к.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

КАЛЕНДАРЬ

„РУССКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ“

1910 ГОДЪ.

Большая книга въ 554 стр. (форматъ $\frac{1}{8}$ л.) съ многочисленными рисунками и портретами.

Цѣна 65 коп., съ пер. зак. банд. 1 руб. Выписывать можно изъ конторы газ. „Русская Земля“, МОСКВА, Садов.-Кудрин., домъ № 153.

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиноя. Тел. 131-34.

Началось съ лѣса и дошло дѣло до неба, до будущей жизни. Онуфрій размечтался до того, что сталъ рисовать, что будетъ въ аду и въ раю. Многое было смѣшно, но и не лишено своеобразности. Адъ ему представлялся въ видѣ большого озера, наполненнаго горячею жидкою смолою. И тамъ плаваютъ грѣшныя души. Только какая изъ себя душа будетъ?—допытывался онъ и не могъ рѣшить. Оказывается и дьячокъ Панкратій не зналъ этого. „Если въ видѣ пара опять же не ладно,—разсуждалъ Онуфрій:—паръ—у твари безсловесной. А я такъ полагаю,—рѣшилъ онъ,—мы вѣдь воскреснемъ съ тѣломъ, стало быть, съ тѣломъ и въ смолѣ горѣть будемъ“.

Я отвѣчалъ нехотя, и Онуфрій замолкъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ онъ окрикнулъ меня.

— А что, спите, или нѣтъ?

Я хотѣлъ помолчать, но отвѣтилъ:

— Что тебѣ?

— Не спите? А вотъ что... хотѣлъ я спросить: о Пугачевѣ знаете, небось?

— О Пугачевѣ самозванцѣ?

— Да, да... Что за мѣсто царя себя выдавалъ?

— Такъ что же?

— А дѣдушка мой его живого выдалъ. Онъ изъ тѣхъ мѣстъ сюда-то пришелъ...

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— А вотъ я и думаю: что бы было, кабы онъ осилилъ царскую-то рать? Ужли бы за мѣсто царя сѣлъ на престолъ царствовать?

— Сидѣлъ же Гришка Отрепьевъ.

— Это котораго проклинаятъ-то о постѣ?

— Да.

— Откуда же онъ взялся?

Миѣ лѣнь было рассказывать, да я и боялся „разгулять сонъ“, и потому отвѣтилъ коротко:

— Монахъ былъ... да и захотѣлъ царемъ стать. Бѣжалъ границу, выдалъ себя за царя и пришелъ въ Москву съ поляками, престолъ добывать.

— А ему и повѣрили? Съ поляками, говоришь? Ишь, стало поляки всегда бунтовали противъ русскаго царя?

— Тогда они не были наши... своего короля имѣли.

— А—а! А все-таки, стало, бунтовали, коли вору Отре-

пьеву помогали. Вотъ за это ихъ Богъ и наказалъ: и короля лишились, и царство ихнее нашимъ стало.

Я плотнѣ закутался въ пальто и не отвѣчалъ уже на новые вопросы Онуфрія, даже зажмурился нарочно, чтобы показать, что я сплю.

Онуфрій помолчалъ, потомъ всталъ, сходилъ куда-то, вернулся и легъ на свое мѣсто... Я еще не уснулъ, а онъ храпѣлъ уже и, конечно, не для виду только, какъ я.

Когда я проснулся, солнце высоко поднялось изъ-за лѣса, и весь онъ ожилъ, наполнился веселымъ птичьимъ пѣніемъ. Онуфрія не было въ шалашѣ.

Я окрикнулъ его.

— Ась?—отозвался онъ.

— Гдѣ ты?

Онъ вошелъ въ шалашъ.

— Никакъ мы проспали?—спросилъ я.

— Я то не проспалъ... а...

— Что же не разбудилъ меня?

— Да больно ужъ сладко спалъ то... пожалѣлъ.

— А ты ловилъ?

— Нѣтъ... И солнце же всходило сегодня... Кажись, лучше всѣхъ дѣнь... Какъ оглянулся я вокругъ, такъ и взыграло сердце... И помолился я... Вотъ ты говоришь: городъ. Давъ городъ—ни въ жисть такъ не помолиться, какъ здѣсь на берегу, въ лѣсу... И молитвы то вспомнить не можешь, а только думаешь: Царь Небесный! и слезы бѣгутъ...

Лицо Онуфрія словно свѣтилось какимъ-то внутреннимъ неизъяснимымъ восторгомъ.

Вечеромъ этого дня я встрѣтился съ отцомъ Пансіемъ, жившимъ въ церковномъ домѣ, въ двухъ верстахъ отъ Незавидовки. Въ разговорѣ я упомянулъ объ Онуфріи и о томъ, что мы съ нимъ ходили на ловлю.

— Знаю, знаю его,—произнесъ старичекъ-священникъ,—съ моимъ дьячкомъ большіе пріятели.

— Поэтическая душа у Онуфрія, батюшка,—сказалъ я.

— Вѣрно изволили выразиться: душа восхищенная и въ земномъ какъ бы небесное прозрѣваетъ. Природа его въ восторгъ приводитъ... Дано ему, дано...

Отецъ Пансіи покачалъ головой и продолжалъ:

— Все отъ Бога: Его премудрость видна... Утаилъ сіе

отъ разумныхъ и открылъ младенцамъ. Взять моего Николая. Богословіе окончилъ, а красоть природныхъ не понимаетъ и ко всему высокому сердцемъ хладенъ. Читалъ я стихи какъ-то, не упомяну чьи, а только дѣвушка плакала, какъ лѣсъ рубили. А Николай смѣется. Глупость, говорить... дура, потому и плакала. А вотъ Онуфріій понимаетъ и чувствуетъ. Для него лѣсъ не топливо, а краса Божія.

Отецъ Паисіій сокрушенно вздохнулъ.

— Люблю я Онуфрія,—промолвилъ онъ минуту спустя.— Другіе-то его непутнымъ зовутъ. И жена его ругаетъ. Она прямо его въ полоумные записала. А я люблю его. Конечно, человекъ онъ невѣжественный, а въ нѣкоторомъ родѣ... перстомъ Божиимъ отмѣченъ! И трезвый человекъ,—добавилъ отецъ Паисіій.

— Онъ и безъ вина весель... все пѣсни поетъ,—сказалъ я.

— Да, да... И тенорочкомъ... Знаете, поговорка есть,—съ улыбкой произнесъ священникъ,—комаръ вина въ ротъ не беретъ, а вѣкъ пѣсни поетъ... Вотъ и Онуфріій тоже...

III.

Давно было это. Я и забылъ совсѣмъ объ Онуфрііи (котораго, можетъ быть, и въ живыхъ уже нѣтъ) и не вспомнилъ бы о немъ, если бы не случайная встрѣча съ Варуломъ на волжскомъ пароходѣ... Раздумывая о парнѣ, я невольно перенесся въ прошлое; что-то общее между Варуломъ и Онуфріемъ, вѣроятно, бессознательно направило мою мысль къ незавидному „рыбаку-поэту“, и въ памяти моей воскресъ какъ онъ самъ, такъ и ночь, проведенная на берегу Леденги.

Послѣ обѣда, когда мои спутники „засѣли вплотную“ за карты, я опять отправился въ третій классъ, чтобы повидать Варула и поговорить съ нимъ. Я нашелъ его въ закрытомъ помѣщеніи, на койкѣ. Онъ лежалъ и читалъ медленно, вслухъ газету. При моемъ появленіи онъ поднялся и сѣлъ.

— Какая это газета?—спросилъ я.

— „Листокъ“,—отвѣтилъ Варуль, кладя газету на столикъ.—Да мало занятнаго... Нашъ куда лучше...

— Какой вашъ?

— Московскій.. тамъ исторійки разныя, интересныя... И

смѣшно и поучительно... А въ этомъ нѣтъ ничего... И непонятно даже...

— „Московский“ лучше?

— Какъ можно! Я постоянно покупалъ... то одинъ, а то пополамъ съ другимъ пекаремъ.

— Тебѣ Москва нравится... Зачѣмъ же мѣнялъ мѣсто?

— Въ Саратовѣ жалованье больше... Хозяинъ знакомый... недалече отъ нашей деревни. Свое заведеніе открылъ и позвалъ меня... На два рубля сдѣлалъ прибавку.

По берегу пошелъ густой лѣсокъ.

— Еще не все вырублено,—замѣтилъ я.

— А гдѣ такъ порядкомъ обчищено...

— Все-таки есть гдѣ лѣшему поаукаться,—шутливо сказалъ я.

Варуль разсмѣялся.

— Онъ поцѣ не въ прежнемъ почетѣ... кто ему вѣрить, а кто и нѣтъ.

— А ты какъ полагаешь: есть онъ?

— Кто-жъ доподлинно знаетъ... Скорѣе всего, что бабы выдумки. Учитель въ нашей деревнѣ прямо говорилъ: все вранье, нѣту нечистаго.

— А какъ же бѣсъ святыхъ искушалъ?

— То бѣсъ... а не лѣшій.

— Развѣ не все равно?

— Должно быть... а то, можетъ, и нѣтъ... Я не читывалъ...

— Житія-то святыхъ читалъ же.

— Доводилось, да мало... Не охотникъ я до церковной печати. Исторійки интереснѣе... Стишки разные... люблю ихъ... Я изъ „Листка“ даже списывалъ нныя... получше, позанятнѣе которые.

— Можетъ быть, и самъ сочинять пробовалъ?

Варуль посматрѣлъ на меня, но ничего не отвѣтилъ.

— Угадалъ?

— Пробовалъ,—произнесъ Варуль съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— И что же? Хорошо?

— По-моему ладно... а тамъ я не знаю.

— Никому не показывалъ?

— Старшему дворнику показывалъ. Онъ тоже стишки возлюбяетъ.

— Что же дворникъ: одобрилъ?

— Говорить ничего, только не такъ складно, какъ у господъ, къ примѣру въ „Листкѣ“ хотя. Ну да гдѣ же: тѣ ченые!

— Есть у тебѣ съ собой стишки?

— По близости нѣту...

— Навѣрное знаешь наизусть?

— На память? Нѣтъ не упомяну... Такъ, кое что... а чтобы же по порядку... гдѣ же?

— О чемъ же ты пишешь? Про любовь?

— Про разное... что на умъ придетъ. Разъ сидѣлъ въ предскомъ саду и увидѣлъ парочку... И описалъ... Эти стишки дворнику больше понравились. А то и про любовь... Одной горничной, которая къ намъ въ булочную все бѣгала, коротенькій стишокъ написалъ... смѣялась и довольна была...

— Что же написалъ?

— Ну, извѣстно что... дѣвуикѣ что пишутъ?.. О красотѣ, насчетъ чувства...

— Влюбился въ нее?

— Какое тамъ влюбился... такъ... Дѣвушка красивая... Вотъ я ей и написалъ:

Всю-то ночь я не спать,
Какъ васъ я увидалъ,
Если бъ чаще вы ходили,
И меня бы полюбили!

— Книжку Кольцова всю прочелъ?—спросилъ я Варула.

— Читалъ... только у меня такихъ не выходитъ... не складываются... А пѣть я ихъ пою... Дворнику не нравятся кольцовскія пѣсни: не занятно, говоритъ. А я люблю ихъ пѣть. Къ примѣру: „Сяду я за столъ, да подумаю“... Хорошо! Покойникъ дьяконъ страсть какъ любилъ эти пѣсни. А въ городъ совсѣмъ другое... Смѣшное больше въ модѣ... Здѣсь и не поютъ такихъ то, какъ Кольцовъ сочинялъ..

— Отчего ты въ деревнѣ не жилъ?

— Тятенька взялъ... да и что въ деревнѣ? Скучнѣе, а развѣ легче? Вонъ дворника братовья какъ зовутъ... Не ѣдетъ! Тамъ, говоритъ, одна сѣрость, необразованность. Развѣ можно городъ съ деревней сравнять!.. Веселѣе въ городѣ, лучше.

— Такъ ли? А раздѣлье деревенское? Ты вотъ Волгой

любовался... а тамъ и горы, и рѣка, и лѣсъ... и воля, и ширь... чего хочешь!

— Какая же въ деревнѣ воля? А горъ у насъ и нѣтъ... и лѣсу немного... Рѣка есть... да что же изъ этого?

— Ты любишь природу... Небось, всю ночь не спалъ...

— Это вѣрно, не спалъ... Больно красиво... Такъ вѣдь это что же: этимъ не проживешь. Красиво, красиво, а гдѣ заработать? Въ деревнѣ ѣшь хлѣбъ одинъ... ну, а въ городѣ и кусокъ сладкій и на счетъ удовольствія вольно... А что въ деревнѣ? Рѣка есть... Чтожъ изъ того? Не Волга, не стоитъ смотрѣть то: бѣжить себѣ, никакой красы нѣту въ ней!

— Развѣ красива только Волга?

— Вотъ Днѣпръ еще хорошъ. Повидалъ бы... Можетъ и увижу: поживу, понакоплю, да и въ Кіевъ... Посмотрю, а тамъ, если подойдетъ линія, и останусь... Читалъ я про Кіевъ стихи... ну, это куда еще лучше, чѣмъ въ „Листкѣ“.

— А про Волгу читалъ? Про Стеньку Разина?

— Про Стеньку знаю... Разбойничья душа... въ родѣ Чуркина... да еще почище. Погулялъ въ волюшку, да и головой поплатился... Я про него занятную исторію читалъ: цѣлая книжка такая, тамъ и про княжну описано, которую въ Волгу онъ кинулъ... Книжка любопытная... Я про Ермака еще читалъ... Давно все... Нонѣ такъ то нельзя...

— Отчего?

— Живо сымаютъ... нонѣ и чугунокъ и пароходы... и что если—сейчасъ дешену: взять его! А тогда полдѣла было... И войска нонѣ больше... пошлютъ, скорехонько справятся... Не нагуляешься... Да какая это только воля... такъ и говорится: воръ Стенька Разинъ... чего хорошаго!..

— Не нравится тебѣ такая жизнь?

— Разбойничья то? Послѣднее дѣло.

— А какая же лучше?

— Спокойная... вотъ бы заведенье свое, хозяиномъ стать, и живи... Тутъ тебѣ всякая воля... И по Волгѣ катайся, и въ Кіевъ... Можно и въ Соловки съѣздить... море посмотрѣть. Куда хочешь—туда и поѣзжай. И книжку почитать досужно... Есть на что и гармонью самолучшую купить... Э, да съ деньгами какъ не жить!... Ни въ чемъ препятствія не будетъ...

— И домикъ свой хорошо имѣть,—подсказалъ я.

— Ну, въ Москвѣ ежели—трудно. А такъ, въ губерніи, домигъ хорошо... На берегу рѣки, съ садикомъ. Цвѣтовъ насадить. Цвѣты я люблю.

Пароходъ далъ протяжный громкій свистокъ.

— Что это... никакъ пристань? — промолвилъ Варуль, повертывая голову.

Онъ всталъ съ мѣста и подошелъ къ выходу.

— Пристань и есть... Вотъ это ладно... Куплю чего нибудь... Поѣсть да и чайку попить... На разсвѣтъ завтра и Саратовъ... а вы далече ли ѣдете?

— Въ Астрахань,—отвѣтилъ я.

Лежавшіе пассажиры начали вставать съ своихъ мѣстъ. Раздался новый свистокъ.

Варуль надѣлъ картузь и произнесъ съ сожалѣніемъ:

— Ужъ здѣсь нашей московской саечки, либо калачика не поѣшь... Муки вдоволь, а печенье не то!..

— Ну, всего хорошаго на новомъ мѣстѣ,—сказалъ я, прощаясь,—рано утромъ завтра сходишь... больше не увидимся.

— Да ужъ на зарѣ... Счастливаго пути!

IV.

Прошло три года. Я забылъ о Варулѣ, о которомъ вскорѣ сирավялся у пріятели, жившаго въ Саратовѣ, но пріятели ничего не отвѣтилъ мнѣ на вопросъ о „поэтѣ-пекарѣ“. Въ концѣ мннувшаго лѣта я натолкнулся на молодого полотера, пишущаго стихи и мечтающаго издать ихъ отдѣльной книжкой. И вотъ мнѣ опять вспомнились Варуль и Онуфріи, и я рѣшилъ описать мои встрѣчи съ ними. Я сдѣлалъ наброски и само собой напрашивается сравненіе между обоими—Варуломъ и Онуфріемъ. Между ними есть несомнѣнно что-то общее, но въ то же время они и рѣзко отличаются другъ отъ друга.

Онуфріи жилъ природою, и поэзія лѣса, раздолья вошла въ его плоть и кровь; онъ не могъ безъ сердечной боли и тоски оторваться отъ природы и бѣжалъ изъ города. Въ глуши все было ему мило. Онъ ни пуждался въ картинахъ,

своей яркостью, броскостью раздражающих чувство. Онъ во всемъ видѣлъ красоту и поэзію: и въ лѣсной рѣчкѣ, и въ самыхъ обыкновенныхъ цвѣточкахъ, и въ томъ, что рыба плещется, птички чирикаютъ. Своимъ простымъ чуткимъ сердцемъ онъ какъ бы понималъ жизнь каждой былинки. Его сердце на все отзывалось, и мечты увлекали его. Онъ—цѣльная поэтическая натура, ничѣмъ не отравленная, не испорченная. Онъ могъ очутиться и въ шайкѣ Разина, и въ монастырскомъ скиту, потому что изъ такихъ выходятъ и вольные молодцы, и люди беззавѣтнаго подвига. Онъ не могъ со стороны любоваться, какъ любитъ природою буржуа и изломанный интеллигентъ; онъ жилъ и дышалъ природою. Онъ не умѣлъ складывать пѣсенъ, но если бы обладалъ этой способностью, то былъ бы однимъ изъ невѣдомыхъ творцовъ-пѣвцовъ тѣхъ безыскусственныхъ, за сердце хватающихъ пѣсенъ, которыя раздаются на всемъ необъятномъ просторѣ земли Русской. Его не интересовали „происшествія“ которыми наполняются хроники газетъ, не къ „листочкамъ“ лежало его сердце, онъ заслушивался разсказами о жизни святыхъ и, если бы зналъ грамоту, зачитывался бы четьми-минееми. Онъ не мечталъ о сладкомъ житиѣ, о тепломъ уголкѣ. Въ убогой избенкѣ, довольный малымъ, онъ жилъ въ мірѣ грезъ и былъ счастливъ ими. Пѣсня заставляла его все забывать. „Безъ пѣсни и жить нельзя бы“,—его собственное выраженіе.

Не таковъ Варуль.

Онъ, несомнѣнно, знаетъ больше, чѣмъ Онуфрій (все-таки учился въ школѣ, хотя и не кончилъ, и заимствовалъ кое-что отъ дьякона), онъ не станетъ креститься при раскатахъ грома, потому что ему извѣстно „лектричество“, не имѣющее ничего общаго съ колесницей пророка Ильи. Лѣпшій для него выдумка. И онъ практичнѣе Онуфрія, онъ матеріалистъ, тогда какъ тотъ идеалистъ. Онъ разобщенъ съ природою, она ему уже не нужна, какъ воздухъ; вслѣдствіе поэтического склада природы онъ любитъ природою, и то тогда, когда она проявляется эффектно. Простая будничная красота его не трогаетъ. Только по временамъ его душѣ доступенъ восторгъ. Его уже отравилъ городъ отрицательными сторонами своей жизни, на немъ сказалось вліяніе уличной прессы и ея фальсифицированной поэзіи. Онъ мечтаетъ о жизни

обезпеченнаго мѣщанина, и ему чужда молодецкая удаль, непонятна прелесть подвига. Его идеаль — свое заведеніе, домикъ съ садикомъ и, конечно, книжка въ сберегательной кассѣ, а то и чековая въ банкѣ. Онъ восхищается „праведностью“ дьякона, но самъ неспособенъ на нее. Разумѣется, поэтичность натуры ставитъ его выше другихъ людей той же среды и съ тѣми же вождедѣніями.

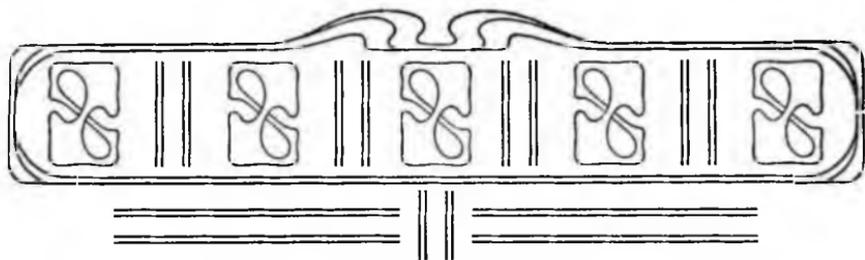
Онъ уже можетъ складывать стишки, но они близки къ тѣмъ, которыми восхищается старшій дворникъ, видящій въ деревнѣ „одну сѣрость и необразованность“. Встрѣча съ дьякономъ, человѣкомъ тонкаго чувства и поэтическаго темперамента, не прошла безслѣдно для Варула. Онъ любилъ кольцовскія пѣсни, но писать въ этомъ духѣ не можетъ. Онъ не настолько грамотенъ, чтобы сочинять стихи для печати, и не мечтаетъ о сборникѣ своихъ стихотвореній на манеръ самоучекъ самаго послѣдняго чекана, которые въ стихахъ шаблонно тоскуютъ о томъ, что уже давно для нихъ чуждо и ненужно. Не будь Варуль поэтической натурой и не повстрѣчай онъ въ юности дьякона, сильно повліявшаго на него, онъ распѣвалъ бы фабричныя пѣсни въ родѣ слѣдующихъ:

А я милую, хорошую,
Хвачу по уху калашею!

„Поэтическая жилка“ и „соловей дьяконъ“ — уберегли пока Варула отъ такого духовнаго развращенія.

ПАКОСТНИКИ.

I.

омнатка постоялаго двора, гдѣ я ночеваль, была очень маленькая и низенькая.

— Кажется, душно будетъ спать,—сказаль я наканунѣ отцу хозяина, пожелавшему мнѣ „спокойной ночи“.

— А вы окошечко не затворяйте, воздухъ и не сопрется... Подъ утречко-то посвѣжѣть.

Спать съ открытымъ окномъ оказалось невозможнымъ. Полетѣли комары и затынули свои монотонныя пѣсни. Я заперъ окно. Въ комнатѣ наступила духота. Я долго не могъ уснуть, забылся наконецъ тяжелымъ сномъ и пробудился рано, съ болью въ головѣ. Я отворилъ окно, чтобы освѣжиться и надышаться чистымъ воздухомъ. Откуда-то потянуло запахомъ скошенной травы. Ясное утро обѣщало чудный теплый день... Я откинулся на спинку стула, и задремаль. Вдругъ я услышалъ тоненькій голосъ—не то женскій, не то дѣтскій.

— Мишка, ты спишь?

— А-а?—отозвался другой голосъ, принадлежавшій болѣе возмужалому человѣку, но все-таки не взрослому мужчинѣ.

— Будетъ тебѣ дрыхнуть... Идти надо... аль отдумаль?

— Не... иду!

Послышался громкій зѣвокъ.

Я выглянулъ въ окно.

На дворѣ, на грудѣ теса, лежали два мальчика подростка. Вѣрнѣе сказать—лежалъ одинъ, лѣтъ 16—бѣлокурый, съ продолговатымъ лицомъ, покрытымъ веснушками; онъ лежалъ

на спинѣ, со сложенными на груди руками и съ закрытыми глазами. Другой моложе на годъ, а то и на два—уже полуподнялся и свѣсилъ босыя грязныя ноги съ теса. Лица его мнѣ не было видно, потому что онъ повернулся къ окну затылкомъ, и притомъ длинныя пряди рыжихъ волосъ падали на лобъ. О годахъ я заключилъ по худой, еще не сформировавшейся фигурѣ.

— Коли идешь, такъ вставай, неча валяться,—сказаль онъ.

— Спать охота, Васька!

— Ишь, идоль! а пошто долго съ Малашкой гуляль вчера?

Мишка молчалъ.

— Чаво молчишь-то? Тебѣ говорю... И нашель тоже—курносую!

— Небось, твоя Вѣрка лучше?

— Извѣстно лучше... Да что мнѣ Вѣрка... Севодни Вѣрка, а завтра—Катка... Ха, ха, ха!

— А все съ Вѣркой вожжаешься... знать люба почему ни на есть...

— Дѣвчонка веселая.

Мишка опять зѣвнулъ и промолвилъ лѣниво:

— И попадешься ты Аѳанасью... задасть онъ тебѣ звону.

— А што?

— Дѣвчонку захороводилъ.

— Эво! Нѣшто дитѣ она малое... Съ разумомъ, чать,—цинично произнесъ Васька и захохоталъ.

— Не безъ языка, чать она... скажетъ...

— Мало-ль што она скажетъ!... а пуцай и вѣрить... не булгу же поднимуть... Сами не захотять болтать... Да ты вставай, чаво заболь!

Я былъ пораженъ слышаннымъ. Вотъ—экземпляры!... Неужели они не были въ школѣ? Гдѣ же ея вліяніе? Говорять, въ городѣ портятся... а вотъ вамъ и деревня. Неужели такъ глубоко проникла сюда порча, что дѣвчонка (не взрослая же, конечно) отдастся съ легкимъ сердцемъ какому-то негодяю. Что толкаетъ?

— Черви наготовѣ?—раздался голосъ Мишки.

— Вѣстимо... Я и косушку принасъ... разошьемъ тамо, а послѣ искупаемся.

— Ловкачъ ты, Васька!

— Не въ тебя—рохлю.

— Ну, ты не больно... бахвалься!

Заскрипѣли тесины, и Мишка слѣзъ на землю. Черезъ нѣсколько минутъ пріатели отправились на рѣку.

II.

Я пилъ чай, когда вошелъ ко мнѣ отецъ хозяина, сѣдой старикъ, съ длинной бородой клиномъ, съ лицомъ, изборожденнымъ мелкими морщинами. Онъ помолился на образъ и поклонился мнѣ, щуря выцветшіе слезившіеся глаза.

— Ишь какъ солнце-то бьетъ въ стѣну... Чай да сахаръ!

— Спасибо.

— Скоро ѣдешь-то?

— А что? Лошади заняты?

— Нѣту... лошадь найдется... да везть некому. Кабы не сейчасъ, такъ Мишка бы тебя довезъ.

— А долго ждать?

— Зачѣмъ долго... какихъ часа три, не болѣ... Онъ съ ловли поздно, паршивецъ, вернулся. А тутъ до поселка надо было спослать... Вернется... и поѣзжай!

— Ладно, дѣдь. Ты что стоишь? Говорять, въ ногахъ правды нѣтъ. Садись!

— Какая нонѣ правда! Ни въ чемъ ея нѣту.

— Чайку не хочешь-ли?—предложилъ я.

— Покорно благодаримъ! Напился вдоволь. Кумъ Михей зашелъ... и почайничали.

Однако, старикъ присѣлъ на табуретъ, стоявшій у лѣжанки.

— Въ Питерѣ служишь-то?—полюбопытствовалъ онъ, опирая ситцевую рубаху, надѣтую сверхъ нанковыхъ шароваръ, забранныхъ въ сапоги.

— Въ Питерѣ.

— Помню твоего дѣдушку... Строгий баринъ! Взыскъ любилъ. Оно и хорошо...

— Хорошо?

— Еще бы! Безъ взыску што?—забудетъ челоуѣкъ и из-

балуется... Вона Мишка... я бь его дралъ, дралъ, да и опять дралъ... А Петруха потекаетъ.

— А кто такой Васька?

— Про какого ты Ваську спрашиваешь?

— Съ твоимъ внукомъ на ловлю ходилъ... Изъ окна я видѣлъ; они спали на тесѣ.

— Дружокъ энтотъ... не разлей ихъ водой... Оба баловни! Я бы и того-то дралъ. Безъ отца растеть... вольница!

— За что ты недоволенъ внукомъ?

— За баловство, за что же иное! Отъ рукъ отбился... Хватишься,—а онъ по рыбу! рази дѣловъ мало? Не махонькій... скоро шешнацать стукнетъ. Еще взялъ моду курить, сорванецъ! Тово и гляди, спалить!

— Что же отецъ?

— Что Петруха... баба онъ, одно слово! Слюняй! Кабы была прежняя пора... не то бы и дѣялось... а теперь... вольница все...

— Теперь мальчишки пьютъ даже.

— А что бы ты думалъ? И какъ пьютъ-то! Да я самъ видалъ, какъ Васька пьяный къ домамъ шель... Говорилъ опосля матери... да ей гдѣ сладить... гляди, пожалуй, и вдарить.

— А внукъ твой не пьетъ?

— Не доводилось увидеть... А кто же ево знаетъ... мудренаго нѣтъ!... Дружки вѣдь... Нѣтъ, ты вотъ что: слышалъ я, что онъ ужъ за дѣвками вяжется. Я ему опомнясь и сказалъ: ну, говорю, увижу, пымаю тебя съ Малашкой, всѣ космы оборву.

— А кто эта Малашка?

— Такая бобылка тутъ.

— Почему ты думаешь, что съ ней, когда не видѣлъ?

— По деревнѣ говорятъ... со стороны то виднѣе... Я и ловить принимался... да этотъ Васька дока... даромъ, что мальчишка, нашего моложе... упредилъ дружка.

— Раненько, дѣдь!

— На пакость всѣ охочи... Глядячи одинъ на другого... да вѣдь што: бахвалятся, безстыдники! Ужъ и дѣвки же нонѣ стали... совсѣмъ стыда нѣтъ. Пьютъ не хуже мужиковъ, а ужъ коли это... такъ долго-ли и до грѣха.

— Въ школѣ твой внукъ учился?

XXI — ГРАНИЦЫ МІРА. — М. В. Лысковскаго	151
XXII — МЫСЛИ. — Замѣтки. — Н. П. Ивинской	156
XXIII — КНИЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ	158
1) „Русскій ежегодникъ“—1910 г. Изд. М. Б. — А. К—вой. —	
2) „О пчелахъ и продуктахъ, доставляемыхъ ими“. — А. Н. —	
3) А. И. Эртель. — „Собраніе сочиненій“. — Томъ I — VI. —	
А. Д.	
XXIV — ИЗЪ РАЗНЫХЪ КРАЕВЪ.—ПИСЬМА ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.—VII—	
Н. А. Гребецкаго	163
XXV — ИСКРЫ. — НА СВЯТКАХЪ. — Разсказъ	172
XXVI — ПОТРЕВОЖЕННЫЕ. — Деревенскіе силуэты. — А. В. Круглова.	
Листъ второй. — (Безпл. приложение). — Въ концѣ журнала.	
(Иллюстраціи въ текстѣ.—Виньетки и заставки).	

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“.

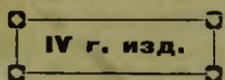
XXVII — БЕСѢДА. — I. — Жгучій вопросъ. — II. — Всѣ ли одинаково	
близки. — III. — Любовь къ народу. — А. В. Круглова.	1
XXVIII — ТАТЬЯНА. (Изъ поэмы „Евгеній Онѣгинъ“.) Иллюстр. на отд.	
листѣ.	13
XXIX — ЛЕЙБЪ-КУЧЕРЪ ИЛЬЯ. — В. С. Добржинецкаго	15
XXX — НА ПОМОЩЬ СЕМЬИ И ШКОЛѢ.	20
I. — О здоровьи учащихся.—М. В. Безобразовой.	
II. — Женское дѣло.	
III. — Библиографія.	
XXXI — СТРАНИЧКА ИЗЪ ЛИХОЛѢТЬЯ. — III—на.	24
XXXII — АВТОГРАФЪ С. Н. ШУБИНСКАГО	25
XXXIII — ОБО ВСЕМЪ.	26
(Защита вѣры и національности. — Къ 300-лѣтію осады	
Троице-Сергіевой Лавры. — Лекція Камчатскаго миссіонера	
іеромонаха Нестора. — Чеховскій день.— Научныя новости.—	
Наводненіе въ Парижѣ.— По поводу французскаго бѣдствія.)	
XXXIV — ОСАДА ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЫ. — Илл. на отд. листѣ	31
XXXV — ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВА ЛАВРА. — Иллюстр. на отд. листѣ	35
XXXVI — КРАСНЫЯ СЛОВА	53
XXXVII — ОТЪ РЕДАКЦІИ	54
XXXVIII — ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ	55
XXXIX — ОБЪЯВЛЕНІЯ.	
(Иллюстраціи въ текстѣ.—Виньетки и заставки.)	

Одновременно съ этимъ № журнала, подъ бандеролью разсы-
лается всѣмъ годовымъ абонентамъ, подписавш. до 10 дек., брошюра
„Въ чемъ счастье“.

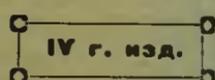

Открыта подписка на 1910 годъ

НА

„СВѢТОЧЪ“

И

„Дневникъ Писателя“.

Иллюстрир. ежем. литературно-научный журналъ для всѣхъ, подъ редакціей **А. В. Круглова**, при раздѣленіи съ нимъ трудовъ редакціи **А. Н. Догановичъ**, при ближайшемъ участіи д-ра **В. К. Недзвецкаго** и при сотрудничествѣ извѣстныхъ писателей и ученыхъ.

Главн. Управл. Военно-Учебн. Заведеній допущенъ въ ротныя библіотеки военныхъ училищъ. (Отношеніе отъ 13 авг. 1908 г. за № 18017.)

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (за № 536) допущенъ къ выпискѣ въ библіотеки второклассныхъ и церковно-учительскихъ школъ.

„Свѣточъ“ и „Дневникъ Писателя“ будетъ выходить подъ общей обложкой (но съ отдѣльной нумераціей страницъ) 1-го числа кажд. мѣсяца, при чемъ лѣтніе №№ за май-июнь, июль-августъ слитными книжками.

Всѣ годовые подписчики (хотя бы и подписавшіеся въ разсрочку) въ 1910 году получать:

12 №№ иллюстрированного журнала „Свѣточъ“ и, какъ бесплатныя приложенія:

12 №№ иллюстрированного журнала „Дневникъ Писателя“ (иллюстр. в. по текущимъ вопросамъ жизни, литературы и политики).

1 Сборникъ разсказовъ и очерковъ, подъ названіемъ „Потревоженные“.

10 портретовъ русскихъ поэтовъ (съ біогр. оч. и съ литер. характеристик.), что составитъ собою:

1 Литературно-художественный альбомъ, пригодный для каждой семьи и школы.

5 иллюстрированныхъ книжекъ „Дѣтской Библіотеки“.

Подписная цѣна на 1910 годъ.

безъ доставки: съ доставкой и пересылкой:

На годъ (со всѣми 16-ю приложеніями)	3 р. 60 к.	4 р.	За перемѣну адреса 40 коп.
„ полгода (безъ приложенія)	1 „ 80 „	2 „	
.. 3 мѣсяца безъ дост. не принимается		1 „	

За границу только на годъ 6 р. 50 к.

Подписавшіеся въ разсрочку считаются какъ годовые и получаютъ всѣ приложенія. Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. и къ 1-му марта 2 р. Невнесшимъ второго взноса (2 р.) къ 1-му марта — высылка мартовскаго № будетъ задержана до полученія остальныхъ денегъ. Казени и обществ. учрежденіямъ, полковымъ библіотекамъ допускается подписка въ кредитъ, если сдѣлана на официальной бланкѣ за подписью гг. казначеевъ и начальствующихъ лицъ, но къ 1-му марта всѣ подписавшіе въ кредитъ должны сдѣлать взносы полностью.

Всѣ подписавшіе на 10 экземпляровъ получаютъ 11-й бесплатно.

Подписку, объявленія и вообще всю корреспонденцію для журнала адресовать: Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго пер., д. 1р. Олсуфьевой, Издатель-редактору журн. „Свѣточъ“ и „Дневникъ Писателя“, Александру Васильевичу Круглову. Телефонъ редакціи и конторы 83-00.

Редакторъ-издатель **А. В. Кругловъ**.